

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Старинное кольцо сделано
из сердца ламии – страшного
демона в женском обличе.
Это проклятое украшение
с необычным розовым
камнем обладает
необъяснимой силой –
приносить смерть каждому
своему владельцу...

Екатерина ЛЕСИНА

Кольцо златовласой ведьмы



Екатерина Лесина
Кольцо златовласой ведьмы
Серия «Артефакт-детектив»

*Текст предоставлен правообладателем. Лесина Е. Кольцо златовласой
ведьмы : роман
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6061143
Лесина Е. Кольцо златовласой ведьмы : роман: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-65523-6*

Аннотация

Кольцо с розовым камнем несет в себе проклятие ламии – страшного демона в женском обличье... Согласно легенде, потомки графа Арриго не могут жениться ни на ком, кроме потомков ведьмы Туфании, отравившей более шестисот человек ядом с нежным именем «аква Тофана»... Вика Задеригуба не верила в глупые легенды о мифических ламиях и коварных отравительницах. Но когда от таинственного яда начинают один за другим умирать члены семьи Антона Фирманова, непонятно почему пожелавшего увидеть Вику в роли супруги одного из сыновей, а потом погибает мать Вики и ее отчим, – девушка понимает, что легенда имеет под собой вполне реальную почву. Все следы ведут к необычному кольцу, его подарила в Риме Вике полубезумная старуха... Украшение уникально: с розовым камнем, с узором в виде виноградной лозы, в которой прячется... змея! А между тем люди вокруг Вики продолжают умирать...

Екатерина Лесина

Кольцо златовласой

ведьмы

Туфания, дочь Джулии, появилась на свет ведьминой ночью. Все знали про это. И к шепотку, что Джулия дочь нагуляла – это не диво, известно же, что где баба, там и грех, – добавился другой. Слушок о том, как жалобно кричали овцы, а одна окотилась до срока и ягнят принесла двоих сразу, черных, хоть сама была шерстью бела. И вовсе черных баранов в округе не водилось. А значит, ходил по пустошам Враг Человеческий, рыскал грешных душ, ну, и телом скотины не побрезговал.

А второй приметой был ветер. Поднялся он аккурат на новорожденную луну, и такой крепкий, что старые деревья гнулись, стонали, цепляясь кореньями за скалы. Такой ветер только в ведьмином котле рождается. И от него петухи яйца несут, из которых потом василиски вылупляются.

Такое яйцо старик Джеромо и вынес наутро людям показать. Старик яйцо о землю хряснул, а внутри не белок с желтком, как положено, но волосья золотые, тоненькие, будто солнца лучики. Аккурат такие, как у Джулии и ее дочери новорожденной.

Ведьма, ведьма на свет появилась!

Конечно, Джулия отрицает, что с нечистым знается, невинную из себя строит. Да только людям со стороны вернее видать! Шептались бабы, переглядывались. Давненько им рыбакова дочь костью поперек горла стояла. Все неясно было, откуда у нее этакая красота? Мать-то обыкновенная. И отец тоже: хромоногий, кривой, попорченный морем и жгучим ветром. Главное, что темные оба. А Джулия – светлая. Отцу-то не раз намекали, дескать, подгуляла его женеушка, а он, вместо того чтобы поучить ее, как другие делают, лишь скалился да приговаривал: откуда бы золото ни прибыло, все мое.

Хотя, если хорошенько вспомнить, то и мать Джулии подозрительная из себя особа. А бабка и вовсе травницей числилась, ходила по селам, лечила людей, помогала женицам от тягости разрешиться. Или от ненужной избавиться, если, конечно, срок не вышел... а коль вышел, все помнили, что с бабкой договориться просто, и родится ненужный младенец мертвым. Или проживет какой-то срок, но – недолго.

А внучке помогать старуха отказалась наотрез. Грех это.

Как будто ведьму рожать – не грешно?

Нет, конечно, слухи слухами, но священнику доложили так, как оно было, – правду чистую. Да только что со старика взять? Полуслепой, глуховатый, он только и говорил, что о смирении и любви к ближнему, дескать, дьявол тем

и силен, что на души христианские, смиренные, гнев насыляет. Не в ребенке зло, а в той вражде, которая между людьми приключается.

Верно, люди бы и послушали его, да только с той ночи начало недоброе приключаться. Взял да пересох колодец старика Куджо, который две сотни лет семью поил. А среди овец и вовсе мор приключился. Вороны на околицу прилетать стали. Сядут и глядят, не каркают – значит, не птицы, ведьмы, как они есть. Когда же Тесма дите скинула – конечно, она и прежних-то доносить не могла, сколько ни пыталась, – поняли люди, что дальше терпеть некуда. Собрались и пошли к дому рыбака требовать дочь его златовласую и выродка ейного.

Но оказалось, что опустел дом.

Сбежали ведьмы. И разве этот побег не был лучшим признанием вины? Дом люди подожгли, вычищая его огнем, жалея о том, что огонь этот пустобрюхим остался. Молились на пепелище долго, милость у небес выпрашивая. И небеса откликнулись, раскрылись холодным дождем, который вычистил грязь, и хворь, и все дурное...

Года не прошло, как забыли люди про златовласую Джусю.

– Вика, не сутулься. И перестань хмуриться...

– Да, мама.

– ...иначе ты никогда не выйдешь замуж! – завершив раз-

говор фразой, которой оканчивались все их беседы, вне зависимости от исходной тематики, маменька потрясла бутылочку, выбивая из нее остатки крема для загара.

Маменька определенно знала, о чем говорила. Сама она побывала замужем четыре раза, умудряясь и после развода сохранять с бывшими мужьями самые теплые отношения. Четвертый ее супруг, которого Вике, к счастью, не требовалось именовать «папой», дремал на соседнем шезлонге.

Он был тихим человеком неопределенной профессии – мама утверждала, что Гаричек финансист, – и немалого состояния. К прочим его достоинствам следовало отнести крепкую нервную систему и отсутствие интереса к Викиным делам. В отличие от предыдущего «папочки», в целом весьма милого, искреннего человека, но пребывавшего в уверенности, что Викино воспитание – его первейшая задача, Гарик ограничил свое участие в Викиной жизни фразой:

– Будут проблемы – обращайся.

И карточку вручил. Кредитную. Честно говоря, Вика воспользовалась ей лишь дважды и оба раза долго терзалась раздумьями, чем она теперь обязана Гарику и попробует ли он воспользоваться финансовым рычагом давления на нее?

Гарик не пробовал.

Он и маменьку увез в кругосветное путешествие, за что Вика преисполнилась к нему искренней благодарностью, которая многократно усилилась, когда стало известно, что жить маменька отныне будет в Гарикином особняке. Ма-

менька пыталась перевезти туда и Вику: во-первых, чтобы девочка была под присмотром, во-вторых, среди новых соседей имелось множество подходящих на роль супруга кандидатур. Но Гарик сказал:

– Ленка, отстань. Пусть сама поживет. Хватит с ней нянчиться.

В общем, из всех четырех супругов, включая собственно-го Викиного отца, о котором у нее сохранились весьма смутные воспоминания, Гарик ей нравился больше других. Вика даже с сожалением думала о том времени, когда маменька решит, что супружеская жизнь с ним утратила вкус, и подаст на развод. Впрочем, до этого оставалось года три... или четыре, если уж совсем повезет.

Закончив втирать крем в плечи, маменька вновь обратила неодобрительный взор на Вику.

Вот и зачем она согласилась на эту поездку?

Ну да... она никогда прежде не бывала в Италии. Но она же рассчитывала на другую Италию! Ту, которая за пределами закрытого пляжа! А маменьке музеи не интересны. И Рим тоже. И Ватикан, если, конечно, папу не покажут, на папу римского маменька бы поглядела... а Вике одной по незнакомой стране путешествовать никак невозможно!

Она потеряется! Заблудится! Попадет в неприятности! И вообще, маменька волнуется, а Вике следует беречь маменькины нервы. Да и чем на пляже плохо? Достойное место с достойным контингентом. Лежи, загорай, присматривайся к

тому, что вокруг творится. Вот например, к тому пареньку светлокожему... ну и что, что он с девушкой приехал? Вика лучше, она просто себе цену не знает. Ладно, тогда его товарищ. Он без девушки. И на Вику дважды посмотрел. А один раз подмигнул ей. Нет, это не соринка. Маменьке лучше знать, когда у постороннего мужчины соринка в глазу, а когда он ее дочери подмигивает с явным намерением продолжить приятное знакомство. И не будь Вика упряма, как ослица, давно бы уже обзавелась кольцом на пальце... и, возможно, не одним.

Маменька, будучи в Викином возрасте, уже о второй свадьбе задумывалась.

– Гарик, скажи ей, что девушке в ее возрасте быть без мужа неприлично!

– Угу.

– И что ее поведение меня позорит! Спину мне натри.

Гарик подчинился. Крем он втирал сосредоточенно, с полным осознанием ответственности сего действия. А Вика думала лишь о том, что скоро вернется домой.

Завтра на самолет. А там – до свидания, дорогая и любимая, особенно на расстоянии, мама. И здравствуй, квартира! Да, маленькая, в две комнаты, но сейчас это две Викины комнаты! Там никто не отслеживает, что Вика ест и как одевается – женщина даже дома должна следить за собой; не требует от нее зарегистрироваться на сайте знакомств. Не мешает слепнуть над книгами. Не выискивает предлоги, чтобы вы-

толкнуть ее из квартиры. И вообще, там тихо и спокойно.

– ...поэтому ты пока поживешь с нами.

– Что?! – хрустальная мечта разлетелась на осколки.

– Вика, ты меня не слушаешь!

Конечно. Умение пропускать маменькины нотации мимо ушей выработалось давно и тренировалось годами.

– Я не буду жить с вами!

Ссора на пляже... что может быть отвратительнее?

Вика ненавидела ссоры в любом их проявлении, особенно – с маменькой. Сейчас та станет упрекать Вику в черствости, потом расплатится, потом потребует врача, который обнаружит, что маменькино давление повышено. И маменька сляжет в постель, а Вика будет чувствовать себя виноватой. Она всегда чувствует себя виноватой после ссоры, хотя знает совершенно точно, что с сердцем у маменьки – полный порядок. И нервы у нее крепче Викиных.

– Вика. – Маменька вытянулась на лежаке, устремив задумчивый взор на море. – Повторяю, тебе придется пожить с нами. Месяц или два... пока в твоей квартире делают ремонт.

– Какой ремонт?!

– Обыкновенный.

– Мама!

Не следовало ей повышать голос. Парни, те самые, знакомства с которыми Вика так счастливо избежала, обернулись.

– Ты... ты затеяла ремонт в моей квартире?

– Вообще-то, квартира моя.

Это было правдой.

– И ремонт там следовало сделать давно. Увидишь, тебе понравится.

Вряд ли... Вика хорошо успела изучить маменькины вкусы. И что ее ждет по возвращении? Яркие-красные стены и синий потолок с люстрой-кубом? Наливной пол с рисунком? Невообразимая, неудобная, но модная мебель? Хром, стекло и пластик?

Лучше не думать об этом.

А с Викиными вещами что стало? Ее книги. И журналы. Кресло-мешок. Кошка, раскрашенная вручную. Чашка из синего стекла с белыми незабудками. Одежда, в конце концов...

– Если бы... – Вика старалась говорить спокойно, но не могла отделаться от ощущения, что все вокруг на нее смотрят. – Если бы ты предупредила, что хочешь ремонт сделать, я бы нашла другую квартиру.

Поэтому маменька и не предупредила ее. Но, напротив, предложила дочери поездку. Италия. Отдых. Вика ведь так давно не брала отпуск. И неужели хотя бы раз не пойдет она навстречу родительнице?

– Перестань капризничать, – ответила маменька, не повернув головы. – Ты сама поймешь, что так будет лучше.

Маменька не желает понимать, что Вике уже двадцать

пять лет. У нее работа и собственная, устоявшаяся жизнь, пусть и отличная от той, которая устроила бы маменьку. Пожалуй, в этом вся и проблема: слишком уж они разные. Как так получилось?

Маменька – яркая. Сильная. С характером. И вообще, она всегда в центре внимания, а если не в центре, то расстраивается и чахнет. Вика же, напротив, тиха и необщительна. Ее раздражают люди с их непонятым стремлением Вика трогать. Где у девочки носик? Где у девочки ушки? А почему девочка такая хмурая? Вика-бука. Не желает радовать маменьку, отказывается стишки читать. И песенки тоже не поет. И вообще, при каждом удобном случае сбегает от дорогих гостей. Может, девочка больна? Маменька чувствует, что больна. Это же ненормально, когда ребенок сам с собой играет! А врач говорит про темперамент. Что его темперамент против маменькиной уверенности? Вика надо развивать. Менять. Заставлять. Ей же потом лучше будет...

...какая девочка откажется участвовать в конкурсе красоты?

...не мечтает выучиться на актрису?

...сидит за учебниками, хотя каждому ясно, что образование для девушки – не главное!

И вообще, Вике давно следует понять: мама знает лучше!

...куда ей поступать.

...какую профессию выбрать.

...и каких подруг.

...что носить, что есть и как себя вести.

А Вика, неблагодарное существо, до сих пор упрямится.

Так стоило ли заново пережевывать старые проблемы? И Вика встала, забрала книгу, полотенце и недопитый – очень полезный для кожи – вишневый сок.

– Я – в номер. Отдохну.

– Вот опять будешь дуться!

Нет. Скорее, думать. Если в квартире ремонт, то надо искать другую. Конечно, при нынешней своей зарплате Вика квартиру не потянет, но ведь можно комнату снять. Или в складчину это сделать, как Машка. Или приработок найти. Работают же люди на двух работах! И ничего, живы. Вика тоже сумеет...

В номере, к счастью, одноместном – Гарик, золотой человек, проигнорировал маменькины пожелания о совместном жилье – было тихо и стерильно. Окна выходили на пляж. И Вика поморщилась: вид этот – золотого песка, моря и деревьев, которые важно покачивались на несуществующем ветру, – изрядно действовал ей на нервы.

На часах – половина десятого. В одиннадцать маменька уберется с пляжа и пожелает довыяснить отношения. Спрятаться от нее в отеле, дорогом, но каком-то совсем уж крошечном, не выйдет.

Да и...

Надоело!

В двадцать пять лет пора делать то, что хочется, а не то,

о чем родители говорят. И вообще, отель – это не тюрьма. Вика не собирается теряться. Или попадать в историю. Денег наличных у нее немного, но должно хватить на автобус. Что плохого в небольшой прогулке? Вдохновленная этой идеей, Вика быстро приняла душ, переоделась – из всех нарядов выбрала длинное мешковатое платье, которое маменьке категорически не нравилось, а Вике оно было симпатично – за легкость и удобство. Так, сумочка. Паспорт. Кошелек. Телефон. Маменьке Вика позвонит, но – позже.

Стук в дверь заставил ее замереть, и Вика мысленно рассмеялась: она ведет себя, как ребенок! Даже если это мама, которая вознамерится запретить ей прогулку, Вика все равно уйдет гулять.

Но за дверью стоял Гарик.

– Гулять? – спросил он.

– Гулять.

– На, – Гарик раскрыл кошелек и вытащил стопку купюр.

– У меня есть.

– Хорошо. Еще будут. Бери.

Вика терялась, когда с ней разговаривали в подобном стиле. Деньги она взяла, но твердо решила, что тратить их не станет.

– Купи себе что-нибудь.

– Мне ничего не надо.

– Ага, – Гарик задумчиво поскреб щетинистый подбородок. – Ты, это... если чем обидел, то извини.

Обидел? Чем и когда он мог Вику обидеть, если виделись они только на выходных и по праздникам? Ну, или вот сейчас.

– Ничем вы меня не обидели! Просто... мне неудобно брать у вас деньги. И вообще я сама привыкла. И жить я к вам не поеду. Разве что ненадолго, пока квартиру не найду.

Все говорили, что найти приличное съемное жилье за умеренную плату – это сверхзадача.

– Я Ленке говорил, чтоб она не лезла. Но она ж упертая... короче, ты недельку перекантуйся, чтоб она успокоилась, а там я тебе хатку найду. И выкать прекращай. Не чужие небось.

Местное солнце было агрессивным.

Обглодав добела дома и вылизав пропыленную дорогу, оно принялось за Вику. Маменька бы обрадовалась такому вниманию, она любила загорать, утверждая, что именно загар естественен для человека. Но Вика – не маменька. Ее кожа была бледной, прозрачной и сверхчувствительной.

На косметику она реагировала красными пятнами.

На морепродукты – сыпью.

На лучи солнца – сухостью и шелушением или же россыпью волдырей по плечам, которые долго лопались и облезали лохмотьями.

В общем, Вика уже начала жалеть, что покинула уютный заповедник отеля. Кружевной зонтик, подаренный мамой –

раз уж Вика столь нежна, то пусть ходит с зонтиком, ко всему, это и загадочности ее образу придает, — от солнца не защищал.

Кафе были закрыты.

И вообще, город, пользуясь полуденным часом, пребывал в полудремотном состоянии. Ни людей, ни животных... Вика гуляла уже второй час. Без цели, без плана, просто разглядывая такие забавные, словно игрушечные, домики, магазинчики с яркими витринами, вывески, случайных прохожих, дорогу... по дороге она и свернула в этот переулок. Здесь дома стояли тесно друг к другу, балкончики почти смыкались, образуя своего рода арки. На протянутых веревках сохло белье.

Сюда почти не проникало солнце, и Вика сложила зонт. Жарко.

И — странно. Куда это она забрела?

Вика остановилась и достала карту, понимая, что действие это лишено всяческого смысла: с картами у нее никогда отношения не складывались. Несколько минут она честно рассматривала переплетение линий, вчитываясь в названия улиц, поворачивая карту то одной стороной, то другой, но потом сдалась.

Надо найти кого-нибудь и спросить дорогу. Кого-нибудь, кто говорит по-английски. А лучше, если он согласится ее проводить, но... кого тут искать? Улица была пуста и безлюдна. Вика поправила шляпку и решительно двинулась

вперед.

Ведь должен ей хоть кто-то попасться!

И вообще, паниковать рано. На крайний случай, она может позвонить маменьке. Та обрадуется, получив очередное подтверждение собственной правоты и Викиной жизненной беспомощности...

Старуха сидела на земле. Вика сперва приняла ее за груду мусора, но стоило ей приблизиться, и груда шелохнулась. Черные юбки, черная безразмерная кофта, некогда расшитая бусинами и пайетками, но сохранившая лишь остатки былой роскоши. Бусы в несколько рядов и цепочка с массивным крестом. Еще одна – со связкой медальонов: круглых, квадратных, прямоугольных. С ликами святых и именами покровителей.

Старушечье лицо, красное, будто вылепленное из глины, было неподвижно. Крупный нос, черные, сросшиеся над переносицей брови, узкие губы и седые волосы, выбившиеся из-под косынки. Руки лежали на юбках и по сравнению с лицом были неестественно белы и лишены морщин. словно эти гладкие ладони принадлежали вовсе не старухе.

– Извините, – сказала Вика. – Вы не подскажете, как выйти...

Замолчала, поняв, что говорит по-русски. Ее не поймут. Английский же, на котором Вика худо-бедно разговаривала, вдруг выветрился из ее головы.

– Прошу прощения, я... наверное, пойду... сорри.

Она сделала шаг назад, стремясь убраться в тень, подальше от острого старушечьего взгляда. В ее синих глазах было что-то, напугавшее Вику.

– Стой, – велела старуха.

Вика остановилась.

– Русская?

– Да.

– Здесь много русских. – Голос хриплый, надсаженный. – Раньше я одна была. Теперь вот много... зачем ты сюда пришла?

– Заблудилась, – признание это далось Вике легко. Все-таки старуха – не маменька, которая всенепременно запомнит, что в тот единственный раз, когда Вика открыто маменьку послушалась, случилось почти непоправимое: девочка заблудилась!

– От группы отстала? – Старуха говорила с легким акцентом, который бывает у людей, слишком долго проживших в другой стране.

– Нет. Я сама... погулять вышла и – вот. – Сейчас про Вику подумают, что она – полная идиотка. – Вы не подскажите, как в центр выйти?

– Подскажу, – старуха махнула рукой. – Присаживайся.

И Вика послушно уселась, не на камни – на старый коврик, который был столь грязен, что почти слился по цвету с камнями мостовой.

– Выпей, – она протянула Вике чашку из обожженной гли-

ны, простую, но невероятно красивую, и наполнила ее холодным чаем. – Светлокожим тут тяжело. Солнце таких не любит.

– Вы здесь давно?

– Шестьдесят три года уже...

Это целая жизнь.

– Сбежала. Влюбилась, как девчонка, плюнула на все. Семья, ребенок... но любовь – превыше всего. Он меня тоже любил...

Чай был терпким, крепким, с острым мятным запахом. Вика пила. Слушала. Жалела, наверное, эту незнакомую женщину, которая любви ради – маменьке бы это понравилось – променяла жизнь на жизнь.

– Была ли счастлива? – старуха словно читала Викины мысли. – Пожалуй, была. Первые лет пять, пока Луиджи со мной жил... а потом все иначе стало. Пусто стало. Тут – пусто. – Она прижала раскрытую ладонь к груди. – И живу вот... живу и живу. Уже недолго осталось. Там, – старуха подняла палец к синему небу, видневшемуся меж балконов, веревок и белья. – Там пусть судят, а людям – нечего.

– Я вас не сужу.

– Не хватало еще! Чего ты хочешь от жизни-то?

Станный вопрос во время странного разговора.

Никто и никогда не спрашивал Вику, чего же она хочет. Маменьке ее желания казались несерьезными, детскими. Немногочисленные подруги были заняты собственными

проблемами. А сама Вика... чего же она хочет?

– Не знаю, – честно ответила она. – Я знаю, чего не хочу. Это проще.

– И чего не хочешь?

– Быть похожей на... – почти предательство, но это же не так! Вика любит маму, несмотря на кардинальную разницу в их характерах, на ссоры и ее постоянные попытки сделать Вику иной. Но ведь любовь – это совсем другое. – Мама у меня хорошая. И хочет, чтобы я была счастлива. Только мы по-разному видим счастье.

Зачем это рассказывать случайной знакомой? Наверное, потому что кому-то другому Вика не решилась бы признать-ся в этом.

– То есть ты хочешь быть счастливой?

– Да. А кто не хочет?

– Не знаю. – Эта женщина умела улыбаться, но лицо ее от-выкло от улыбок и потому сделалось еще более уродливым. Складки на щеках, заострившийся подбородок и неесте-ственный изгиб губ. – Но если хочешь, то будешь. На, держи.

Она сняла цепочку, ту самую, с вязанкой медальонов, но сняла с нее почему-то кольцо. Вика удивилась, что раньше она не заметила его. Перстень. Крупный. Тяжелый. Со слож-ной вязью орнамента и крупным камнем.

– Сердолик. Камень сердца, – пояснила старуха.

– Спасибо, но это... дорогой подарок. Я не могу...

– Можешь. Такие вещи только дарят. Примерь.

И Вика надела кольцо, удивившись тому, что пришлось оно впору. Пальцы у Вики были тонкими, по маменькиному выражению – паучьими. Кольца так и норовили с них соскользнуть, потеряться, сбежать от этих неблагодарных рук.

А это – словно прилипло.

– Видишь, признало оно тебя. Значит, я не ошиблась... такие волосы только у наших бывают, – старуха коснулась камня с нежностью.

– Что значит – «у ваших»?

– А то и значит... имя – это так, пыль. Кровь же я узнаю сразу. Не зря она мне снилась.

– Кто?

– Ламия. Несчастливая девочка с разбитым сердцем. Говорят, что ее сердце окаменело от горя. А потом его вырезали и сделали кольца... давно это было.

Кольцо выглядит старым, но... Вика же проходила мимо ювелирного магазина. В витрине его было выставлено множество колец, которые тоже выглядели достаточно старыми, чтобы впечатлить покупателей.

– Она говорила, что ты появишься, и мне позволят уйти на покой. – Старуха засмеялась, и связка медальонов в ее руке зазвенела, словно безумные колокольчики.

Она сжала Викины пальцы.

– Не бойся. Его нельзя потерять. И украсть не смогут... кто украдет – поплатится.

– Мне... не позволят его оставить.

Граница. Таможня. И вообще...

– Зайдешь в ювелирный. купишь колечко с сердоликом. Получишь сертификат. Колечко выброси, сертификат оставь. На границе предъявишь. Главное, не нервничай...

...хорошо бы, но Вика по характеру не умеет не нервничать.

Но она же не собирается следовать старухиным советам!

– Этого кольца нет ни в одном каталоге. О нем знают только свои. Их опасайся, – старуха погладила Вику по ладони. – Сынка моего... его детей... а теперь – уходи. Я устала. Пойдешь прямо до перекрестка, там свернешь налево. Увидишь супермаркет... ну, и уже из центра сама уедешь. Лучше возьми такси до отеля.

– Спасибо.

– Не думай, что я из ума выжила. – Старуха забрала у Вики чашку, спрятала ее в складках юбки. – В старости многое видится иначе. Мой сынок за это кольцо заплатил бы, сколько сказано. Он привык все покупать. Не понимает, что деньгами не все меряется... иди.

Вика нашла и перекресток, и супермаркет, и ювелирный, где имелось великое множество колец с сердоликом. И деньги, благодаря Гариковой заботе, у нее были.

Выбирала кольцо Вика долго, придирчиво, и для себя, и для маменьки, с которой все равно придется мириться. Гарик прав. Переехать. Неделю пожить, а там... с Гариковой помощью или без нее, но Вика от них съедет. Кольцо на паль-

це придавало ей уверенности, что все будет именно так.

Человек увидел старуху издали.

Она дремала в тени, сидя на грязном коврике, ни дать ни взять – нищенка. Ложь! Человек точно знал, что деньги у нее есть, и много. Старуха отличалась скупостью и вряд ли успела растратить состояние мужа. И было бы справедливо, если бы это состояние отошло к нему.

В конце концов, все по закону.

– Здравствуй, – сказал он, присаживаясь рядом. Человек решил быть вежливым. Старухи любят вежливых родственников. Особенно старухи одинокие и стоящие одной ногой в могиле. – Это я. Я тебе писал.

Она не отвечала.

– Звонил.

Она притворялась, что не понимает.

Она отрезала себя от прошлого и теперь не желала восстанавливать связь. Разве это справедливо?

– Мне от тебя ничего не надо. Я лишь хотел взглянуть на единственную родственницу...

...ложь, но она вряд ли об этом узнает. Россия далеко. А старуха давно в маразме.

– Уходи.

Уйти? О нет, не для того он ехал сюда! Не для того искал ее, годами собирая информацию по крупицам. И человек не сдвинулся с места.

– Я знаю, что тебе надо, – пожевав губами, сказала старуха.

– Увидеть тебя. Понять, что я все-таки не один. Ты же знаешь, как тяжело быть одному.

Ему казалось, так будет проще. Он нравился женщинам, вне зависимости от возраста. Симпатичный, обаятельный, умеющий пользоваться этим обаянием, он всегда чувствовал себя хозяином положения. А теперь растерялся. Ошалевшая от одиночества и близости смерти старуха не спешила признавать в нем единственного родича, ту самую кровь, которая не водица. Отец как-то обмолвился, что она всегда была эгоистичной стервой, и, видно, знал, о чем говорил.

– Вы отказались от мужа и сына. А ваш сын отказался от меня. Бросил.

– И что? – В блеклых глазах – ни тени сочувствия.

Не будет она, в отличие от многих прочих, жалеть сироту. Отца ведь не пожалела, ни тогда, ни потом, когда уже могла вернуться. Или их сюда позвать. Как было бы замечательно уехать... человек много раз представлял свое детство иным. Без опостылевшей деревни, без дедовой развалюхи, которая почему-то именовалась усадьбой, и никак иначе. В «усадьбе» этой – кухня, комната и кладовая. А туалет – и вовсе на улице. Зимой дверь примерзала, а летом над сортиром клубились мушиные рои. Воняло... и от ненасытных свиней тоже воняло. А кроме этого, имелся огород, который надо было полоть, поливать, окучивать... и деревянный пол – его

приходилось выскабливать добела, иначе дед злился.

Он и без чистого пола злился.

Пил потому что. Сначала тайком, укрывая бутылку в зарослях малины, потом уже открыто.

Отец приезжал редко. Привозил вещи. Иногда – конфеты. Чаше книги, которые были человеку неинтересны, как неинтересна была и учеба в школе. Но он все равно учился, пребывая в глупой уверенности, что, если он станет отличником, отец его заберет с собой...

...старуха смотрела на него.

Молчала.

Она украла его детство! С этими вот пропыленными, пропеченными улочками. С изрезанным волнами морским побережьем, куда бегала купаться местная детвора. С посиделками во дворе. С обязательным послеобеденным сном и крикливыми соседками... отец бы открыл лавчонку, мелкую и приносящую лишь формальный доход, но дающую ощущение занятости. И потом, обустроившись, он женился бы на местной женщине, смуглокожей и темноволосой, с громким голосом, вспыльчивым характером и хорошим приданым.

Главное, у него появилась бы семья.

Он почти поверил, что старуха – вот же тварь, сидит, щерится беззубой улыбкой – украла эту самую семью, а с нею – и саму его жизнь.

– У тебя есть братья, – сказала она.

– Не родные.

– И сестра.

– Они... они чужие. Всегда такими были.

– Понимаю. И не волнуйся. Я не обошла тебя в завещании... никого не обошла.

Значит, и тех тоже?

Воры! Что они сделали, чтобы найти ее? Ничего. Не они вели разговоры с дедом, упрямым, склочным и норовившим обложить их всех матом. Нажравшись, он песни орал. А трезвым был и вовсе невыносим. Не они, выйдя на итальянский след, перебирали год за годом, город за городом, выискивая среди местной пыли ту самую золотую крупицу.

Не они, в конце концов, приехали сюда, чтобы взглянуть ей в глаза.

И не только за этим.

– Но если ты хочешь получить хоть что-то, сделай то, зачем пришел, – сказала старуха.

Она смотрела на него. С вызовом. С насмешечкой, словно сомневаясь, что он и вправду способен на поступок. Дед вот тоже вечно пенял ему за мягкотелость.

– Или я ошиблась? У тебя сил не хватит? Тогда поди прочь! – Она схватила свою палку и пребольно ударила человека по плечу. – Гнилое семя! Прочь!

Второго удара он не допустил. Перехватив палку, дернул ее на себя, одновременно поворачивая, выкручивая ее из цепких старушечьих пальцев. Ударил. В висок. Беззвучно хрустнула кость, и старуха захрипела. Умерла она не сразу.

А он сорвал с ее шеи цепочку, дрожащею рукой, рассыпая амулеты – серебряная и золотая чешуя на черных юбках. Бесплезная. Дешевые побрякушки... а кольца нет!

Вчера еще было! И утром тоже, когда она выходила из дома. Человек следил за ней, пытаясь проникнуться внутренним ритмом ее жизни, издали, конечно, в бинокль. К счастью, многие туристы ходят с биноклями.

– Где кольцо? Где? – он вцепился в ее горло и потряхнул старую тварь.

Живая ведь! Скажет! Заставит он ее говорить... завещание... ценности... деньги... ничто по сравнению с тем, что можно было бы выручить за одно это кольцо. Отец заплатит. Миллион. Два! Столько, сколько велят.

– Где оно? Отвечай!

Старуха улыбнулась – и умерла.

Нарочно!

Он обыскал тело, как умел, содрогаясь и от отвращения, и от страха пропустить драгоценное колечко. Он не боялся быть пойманным, знал – в этот переулок люди заглядывают редко, опасаются связываться со старой ведьмой.

Спрятала...

...вдруг ему вспомнилась девчонка со светлыми волосами, выбивавшимися из-под шляпки. Она вошла в переулок и пробыла там минут десять...

Случайность?

Или очередная подножка судьбы? Девицу надо найти и...

но – как?

Он подумает.

Как ни странно, но к позднему Викиному возвращению маменька отнеслась почти равнодушно, верно, перекипел уже скандал в ее душе, и захотелось чего-то иного.

Например, колечка.

– Какая прелесть! – воскликнула маменька, подсовывая кольцо – Вика нарочно выбрала покрупнее и с камнем массивным – под нос Гарику.

– Вот видишь, и у тебя иногда чувство прекрасного просыпается!

– Да, мама, – Вика решила не заговаривать о ремонте, переезде и прочих вещах, способных вызвать ссору, но заняться чем-нибудь полезным. Например, чемодан упаковать.

Благо, скоро домой...

Как ни странно, обошлось без происшествий. Вероятно, благодаря маменьке, которая вдруг вспомнила, что не выговорила Вике за ее самовольную отлучку, и принялась восполнять пробел в воспитании прямо в аэропорту.

Вика соглашалась со всеми ее словами.

Маменька распалялась все больше... люди оборачивались на нее. И усатый таможенник, столкнувшись с маменькиным взглядом – ей определенно требовалась новая жертва, – поспешил пропустить леди.

Правильно. От некоторых леди стоит держаться подаль-

ше.

В самолете маменька уснула, и Вика последовала ее примеру.

Гарик читал...

...потом был российский аэропорт, где – благодаря Гариковым знакомствам – проблема досмотра багажа разрешилась сама собой. Маменькино ворчание, уже беззлобное, порядка ради. Плохая погода. Мигрень, случившаяся внезапно и избавившая Вику от необходимости поддерживать разговор.

Стало ей как-то все равно.

Куда ее везут. Для чего... и вообще, лишь бы скорее довели. А там – кровать, задернутые шторы, тишина и, если повезет, сон, который избавит ее от мигрени.

Вики хватило на то, чтобы отметить: дом принадлежал не Гарику.

Ее проводили в комнату на втором этаже, она пообещала распаковать вещи сразу, как только почувствует себя в достаточной мере выздоровевшей... нет, врача ей не надо... и воды не надо... и сока... ей только тишины бы. Покоя.

Девчонку он увидел в аэропорту. Сразу узнал по волосам – ярким, отливающим на солнце сусальным золотом. Потянуло подойти к ней, вцепиться в эти золоченые-перезолоченные волосы и спросить, где кольцо.

Вчера он обыскал старухин дом, прибрав наличку, ко-

торая хранилась просто в ящике старого секретера. Сумма небольшая, но ему и это пригодится. Он, в отличие от прочих, знал цену деньгам и не стал брезговать случайной добычей.

Да и не добыча это – наследство.

Законное!

Как и кольцо. Только эта Златовласка кольцо украла. Человеку и хотелось – и не хотелось, чтобы ее задержали. Она была виновна, но... таможня конфискует кольцо, и добрать-ся до него уже не получится.

Но вот Златовласка перешла в зону посадки, и выяснилось, что рейс у них один. Только человеку придется лететь эконом-классом, а ее ждут в первом.

Вот почему одним все, а другим – ничего?

Об этом он думал всю дорогу и еще о том, как бы не потерять ее. К счастью, таможню он прошел быстро и успел увидеть, как Златовласка садится в шикарный «Бентли». Номер человек запомнил.

Завтра он выяснит, кто она и чем дышит.

А главное, где живет.

И, конечно, он не собирается отступать.

Как ни странно, получить информацию оказалось проще, чем человек ожидал. «Бентли» находился в собственности Романовского Игоря Петровича, владельца заводов, газет, пароходов, в общем, существа априори подлого. Впрочем, писали о нем немного, куда больше – о его жене, особе

не первой молодости и странного характера. Фото прилагались. На третьем снимке обнаружилась и Златовласка, падчерица, скромно спрятавшаяся за широкими полями маминной шляпки.

Виктория Ивановна Задеригуба.

Об этом семействе он думал со злостью, которую прежде он испытывал исключительно к кровным родственникам. Воры! Кругом воры!

Но тем более удивительным показалось ему одно совпадение. Чета Романовских остановилась не в особняке Игоря Петровича, но в доме его драгоценнейшей сестрицы.

И неужели все обстоит не так, как ему казалось?

Златовласка – эmissар? Ее задача – забрать кольцо и передать его отцу?

Нет, человек не допустит, чтобы его вновь обокрали. В конце концов, сестрица неоднократно звала его в гости. Почему бы и не заглянуть к ней?

Конечно, найдется тот, кто скажет, что Палермо – самый обыкновенный город, которых во всей Италии не счесть, но тем самым он покривит душой. Красив Палермо. Велик и богат.

Чего стоит собор Дуомо, что возвышается над площадью и самим городом, символом спасительного креста осеняя жителей. Или лестница святой Екатерины, на которой можно загадать желание, и если сердце просящего чисто,

то желание это всенепременно исполнится. Башня Пизана, капелла Палатина и капелла Святой Розалии... дворцы... фонтаны... сами пыльные улочки, по которым кто только не хаживал. Он стар, едва ли не старше земли, на которой стоят дома, богатые ли, поражающие воображение роскошью, или же невзрачные, обыкновенные, а то и вовсе жалкие лачуги. Последние, конечно, изрядно портили благородное обличье города, как и люди, в них обитавшие. Однако не нашлось правителя, который сумел бы побороть нищету.

И даже святая Розалия, милосердная покровительница Палермо, лишь молилась за потерянные души, оставляя людям право распоряжаться земною жизнью своей. У кого получалось хуже, у кого лучше, но на то они и люди.

Лавка травницы Джулии пряталась в тихом переулке, и, пожалуй, человек, чужой в этом городе, потратил бы немало времени, чтобы отыскать нужный дом, затерявшийся среди других таких же. Конечно, ему бы подсказали, а заодно уж и рассказали, что Джулия появилась в городе не так давно, лет пятнадцать тому назад, и привезла ее сюда бабка, которая в Палермо родилась, однако вынуждена была покинуть родную землю. Но на старости лет пожелала увидеть родной город. И разве хоть кто-нибудь, родившийся в Палермо, упрекнет ее из-за этого желания?

Конечно, у Джулии не было денег, чтобы купить целый дом, зато были красота и молодость, а это, скажут вам, немалый капитал. И Джулия умело им распорядилась: вы-

шла замуж за старого аптекаря, человека весьма уважаемого, хотя и поговаривали, что он алхимик. Он отличался склочным нравом, но имел дом и собственную аптеку. А через два года и вовсе помер, оставив все имущество жене. Соседи из-за смерти этой пошептались, но... старик и так пожил долго. Умер счастливым. А лавка осталась Джулии и старухе.

Сколько Туфания себя помнила, ее окружали чудесные запахи.

Солоноватый аромат моря, который таял на языке, оставляя волшебный привкус солнца и камня. Травы – коша-чья лапка, полынь, ромашка, чабрец, душица... трав – сотни, и у каждой собственный, особый запах. Еще есть дерево и стекло. Холодный мрамор ступки. Молоко. Жир и оливковое масло. Вода, и та пахла по-разному.

А были еще ткани... и мамыны руки, неизменно теплые. Руки другие, влажноватые, морицинистые, и Туфания читала эти морщины, как потом читала книги. Дед ворчал, что ни к чему женищине лишнее знание, до добра это не доведет, но он тоже любил Туфанию и потому не мешал ей читать.

Она рано стала разбираться в травах, различая их не только по внешнему виду, но и по запаху. И старуха стала брать Туфанию с собой. Оказывается, травы, прежде чем попасть в сумеречную тишину лавки, жили за городом. Росли там, брали из земли силы...

...горечавка – от болезней, вызванных разлитием желчи.

А пустынный цвет – от суши любовной или же сердечной истомы. Чемерица – от темной тоски. Пустырник – от кошмаров... есть травы лунные и травы утренние, те, которые собирают по первой росе и всего-то – день-другой в году. Есть такие, что силу имеют лишь в праздники великие, а в остальные дни – лишь зло от них. Есть и такие, способные бесов замкнуть либо же выпустить...

Старуха рассказывала о каждой траве, и Туфания с непонятной ей самой жадностью впитывала каждое слово. Травы слышали ее любовь и отзывались на нее, или ей в руки, даже редкие, о которых старуха говорила, что их сама земля прячет.

Старуха же учила, как их брать – срывать с молитвой ли, со словом особым, отдавая земле взамен или соль, или молоко... на каждую траву – своя наука. И сушить их следовало по-разному... и готовить.

– Смотри, деточка, – повторяла старуха, ласково глядя на правнучку, которой передался семейный дар. – Запомни-най.

Наука давалась Туфании легко, пожалуй, к десяти годам она знала столько же, сколько ее мать. Ее Туфания любила, но видела, что матери в тягость и травы, и лавка, и все одно будто гложет ее что-то невидимое, не болезнь, что-то иное.

Джулия не постарела, она по-прежнему была хороша собой, пусть и носила черные вдовьи одежды, скорбя по супру-

гу. Но золото волос ее манило к ней людей. И мягкий взгляд синих, будто полуденное небо, очей. И само лицо, умиротворенное, спокойное, словно и не человеческое вовсе.

Оттого и захаживали в лавку мужчины, любовались Джусулей, заговаривали порою о том, что были бы рады, если бы красавица хоть раз взглянула на них благосклонно. Находились и такие, которые предлагали ей замуж выйти.

Всем отказывала Джусуля.

– Не верь мужчинам. Лгут они. Обещают все, а не дают даже того, что дать способны. Не меня они хотят получить, но лавку нашу... стать хозяевами...

Шепот матери проникал в самое сердце девочки. И Туфания с подозрением смотрела на каждого, кто порог лавки переступал. И вправду замечала взгляды – восхищенные, направленные на Джусулю, и раздраженные, если останавливались на самой Туфании, цепкие – когда лавку осматривали люди. Презрительные, брезгливые – для старухи...

– Верно мать говорит, – сказала та, когда Туфания поделилась с ней своими опасениями. – Все беды – от мужчин. Они желают быть хозяевами. Над тобой ли, над матушкой твоей, над всем этим... – Старуха обвела лавку рукой. – Но от судьбы не уйдешь. И потому...

...новый рецепт Туфании пришлось запоминать наизусть. Старуха отказалась записывать его, дескать, иные рецепты надлежит хранить только в памяти. Доля черных ягод, собранных на третью луну. И две части костяной му-

ки. Одна – серебрянки. Еще три...

– Это не лекарство. Это яд, – старуха показала, как смешивать травы. – Достаточно одной капли в вино, достаточно глотка такого вина, чтобы здоровый мужчина умер.

Туфания не испугалась – она уже знала, что многие травы, если обращаться с ними неверно, способны причинить вред. Однако же до нынешнего дня ей не доводилось составлять именно яд.

– Смерть наступит не сразу. Чем больше доза, тем быстрее, но лучше, если доза будет невелика. Яд вызовет разлитие желчей, и любой доктор сочтет это естественным следствием скрытой болезни. Отравленный будет мучиться, слабеть, а когда он перейдет в мир иной, тогда никто не усомнится, что случилось все естественным образом.

Туфанию заставили вновь и вновь повторять рецепт наизусть. Старуха словно чувствовала близость перемен, в том числе и близость собственной смерти. А перед самой смертью она показала Туфании тайник.

– Здесь твое будущее, – старуха достала тряпицу, в которой обнаружился перстень. Красивый. Золотой. И с камнем розовым. – Однажды за тобой придет человек, богатый, знатный, который покажет тебе такой же перстень. Оба – из одного камня вырезаны. Оба связаны. И не будет одному без другого судьбы.

– Кто этот человек?

– Тот, кто даст твоим детям лучшую судьбу...

Была в тайнике и книга, в которую старуха записала все рецепты, какие только знала. Строго-настрого запретила она Туфании говорить кому-нибудь про тайник.

– Даже матери... она слабой крови. Жди. Все у тебя сладится. Он вернется. Не уйдет от судьбы...

Она ушла тихо, и похороны были скромными. А вскоре в лавке появился мужчина. На взгляд Туфании, он ничем не отличался от прочих – был мрачен, суров и смотрел на Джулию, как на свою собственность. Она же, то ли испугавшись одиночества, вдруг ответила взглядом на взгляд, словом на слово. Прикосновением...

– Он нехороший, – Туфания попыталась отсрочить неизбежное. – Злой!

– Нет, глупая, нам нужен кто-то, кто будет о нас заботиться.

Почему Джулия не могла сама позаботиться о себе, оставалось загадкой. Возможно, она просто не поверила, что сумеет управиться с лавкой без помощи старухи, или же просто устала прятаться, но мужчина вошел в их дом и стал там хозяином.

Поначалу он вел себя тихо и даже купил Туфании в подарок новые башмаки. Тогда Туфания еще подумала, что, возможно, ошиблась в этом чернобородом человеке. В его присутствии Джулия робела и смущалась. Туфания знала, что происходит в верхней комнатухе, куда отныне ей был за-

казан путь. Она слышала вздохи и стоны, испытывая смешанные чувства. Ей хотелось, чтобы мать была счастлива. Она боялась, что мать будет несчастна.

И когда ее муж стал пропадать из дому – Туфания могла бы сказать, что с ним пропадали и деньги, которых день ото дня становилось все меньше, – Джулия вновь переменялась. Она стала злой и раздражительной, то и дело набрасывалась на Туфанию с упреками, потом ударялась в слезы, обнимала ее, утешала – и вновь находила повод для крика...

Он же появлялся под утро, всегда нетрезвый, часто грязный и злой. Он отталкивал Джулию, которая бросалась к нему, и шел наверх. Джулия же, глотая слезы, поднималась следом. Они ссорились. Громко. Не стеснялись говорить друг другу нехорошие слова. И все закончилось именно так, как и должно было: Туфания услышала звук пощечины – и потом другой, глухой, страшный звук.

На следующий день мама долго не спускалась в лавку, а когда вышла, то Туфания с трудом сдержала крик ужаса. Разбитые губы. Заплывший глаз, и второй, пусть открытый, но превратившийся в узкую щель. Синяк на щеке и на шее тоже... и шла Джулия, придерживая ребра обеими руками, точно боялась, что, если отпустить их, она развалится.

Он же шел следом, положив руку на плечо мамы.

– Вот что бывает с женщинами, которые забывают свое место, – произнес он, глядя Туфании в глаза. – Помоги

ей. И работай.

Туфания осторожно наносила мазь на воспаленную горячую кожу и, закусив губу, поклялась, что не позволит этому человек обижать маму.

– Только попробуй, – сказала Джулия, с трудом разлепив губы. – Я его люблю.

С того происшествия изменилось многое. Теперь он ухаживал, демонстративно выгребая деньги из шкатулки, а если денег там не оказывалось, злился и бил Джулию по лицу. Она не уворачивалась от пощечин, лишь лепетала оправдания.

Не помогало.

Ему надо было выместить на ком-то свою злость. И заработать. Однажды он вытолкал Джулию на улицу, велел ей не возвращаться без денег. Она ушла на целый день, а вернулась лишь вечером, побледневшая и несчастная, но принесла несколько монет.

– Шлюха, – сказал он. – Всегда знал, что ты шлюха...

Туфания пряталась. Ее пугал этот человек, укравший у матери силы. Он же, словно чуя ее страх, все чаще искал встречи с Туфанией, и взгляд его, жадный, какой-то неправильный, предупреждал ее об опасности. Наверное, следовало его убить сразу, как только он переступил порог их лавки, но... что будет с Джулией? И с самой Туфанией? Что, если кто-нибудь догадается о старухином зелье? Тогда Туфанию осудят и казнят.

Теперь мама пропадала не только днем, но и ночью, оставляя Туфанию наедине с мужем. Она будто ослепла и оглохла из-за того странного, отвратительного чувства, лишившего ее не только гордости, но и воли. Туфании подобная любовь представлялась некой болезнью, извращенным, противоестественным состоянием, близким к одержимости. Она пыталась достучаться до матери, но та, стоило разговору зайти о ее дорогом супруге, теряла всякий разум. Джулия готова была верить всему, кроме правды.

– Глупенькая. Он меня любит. Просто у нас... сложное время.

И Туфания пряталась. От нее. От него. Так долго, как могла.

Однажды Туфания потеряла осторожность. Ей показалось, что чужак – называть его отцом, как того хотела Джулия, она не могла – ушел по своим загадочным делам. И Туфания позволила своему утомленному телу отдых. Недолгий, но...

Он навалился сверху, прижал ее к кровати, закрыл рот рукой, грязной и вонючей. Туфания пыталась отбиваться, дергалась, ерзала, била его руками, царапалась... скулила.

Только что она могла?

Когда ее силы иссякли, она просто лежала, позволяя ему делать все, что хочется, содрогаясь от отвращения и боли.

– Теперь поняла, кто в доме хозяин? – Он погладил ее по голове, и Туфанию едва не вырвало.

Она не стала ничего рассказывать Джулии, а та сделала вид, что не замечает перемен. И это тоже было предательством, но... ведь Джулия больна. Туфания знала рецепт лекарства, которое излечит эту болезнь. Одна капля в вино...

«Этот» выпил. Вновь полез к ней. И Туфания терпела, стиснув зубы, зная, что терпит в последний раз. Он был крепким мужчиной и продержался всю ночь. Наутро встал с постели, набросившись на Джулию с кулаками по какой-то пустой, им самим придуманной причине. Спустился в лавку. Ходил там какое-то время... ушел.

И не вернулся.

Джулия ждала его весь день. И ночь.

А наутро его приволокли. Джулия выла над телом, кидалась его обнимать, целовать, гладила всклооченные волосы, уговаривая мужа очнуться от сна.

Туфания смотрела.

Мертвый, он был нестрашен. Скоро Джулия выздоровеет, и они заживут, как жили прежде – вдвоем. Откроют лавку, будут торговать... им двоим не надо много денег. Им двоим хватит счастья и без черногривого чужака...

– Ты, – Джулия поднялась. Движения ее сделались позмеиному плавными, текучими. – Это все ты, маленькая дрянь! Убила его! Убила... – Она злобно шептала. – Он отверг твои домогательства, и ты... ревнивая тварь...

– Мама, прекрати.

Не хватало, чтобы кто-нибудь услышал про убийство!

Конечно, он был человеком дрянным, и многие согласились бы, что смерть для него – наилучший выход. Однако если возникнет подозрение, если кто-нибудь напишет донос, то... Туфания не желала умирать только потому, что избавила мир от этой сволочи.

– Проклинаю! – Джулия вытянула руку и растопырила пятерню. Какая страшная у нее рука! Тощая. Обтянутая желтой кожей. Покрытая пятнами... не рука – лапа куриная, сушеная, из тех, что продают как амулеты. – Тебя проклинаю! И весь твой род!

Она покачнулась и упала. Умерла.

Двойные похороны оставили у Туфании странное ощущение. Нет, она ни на секунду не сожалела, что избавилась от чужака. Но кто бы мог подумать, что Джулия предпочтет умереть, лишь бы не разлучаться с мужем.

И проклянет ее...

...материнские проклятия – самые крепкие. И значит, сбудется оно. Боялась ли Туфания? Нет. Пожалуй, теперь, оставшись одна, она обрела свободу, о которой прежде не смела и мечтать.

Туфания вымыла дом. Она терла камни щеткой, носила воду, стирая следы чужого человека. Она вынесла все его вещи, не думая о том, что их можно продать – избавиться бы! Исчез запах пыли. Вернулись из небытия реторты, глиняные плошки, ступки, склянки для отваров, пучки с травами...

Много ли надобно для счастья?

Покой.

В доме. На душе.

А в Палермо пришла весна. Теплое дыхание ветра разбудило землю. И потянулись к солнцу молодые травы. Теперь Туфания каждое утро закрывала лавку, которая понемногу начинала приносить доход – люди уверялись, что умения молодой травницы ничуть не меньшие, нежели у старухи, – и уходила в поля. Она слушала землю, ветер, беседовала с деревьями, преисполняясь уверенности, что будет услышана.

Возвращалась к полудню, а вечером вновь уходила. Темнота не была ей помехой. Скорее уж, собственное сердце сделалось беспокойным, звало ее бежать отсюда, а куда – не подсказывало.

Эта встреча случилась у колодца. Выложенный из камней, возведенный многие годы тому назад, он манил прохладой. И вода в нем была ледяной, вкусной. Туфания пила, будучи не в силах утолить жажду. И потом отдыхала в тени и тишине... птицы пели ей колыбельную.

И Туфания задремала. Разбудило ее чье-то прикосновение.

– Скажи, – спросил кто-то, – твои волосы сделаны из золота?

– Нет, – Туфания открыла глаза. Полуденное солнце ослепляло, и в первые мгновенья человек, сидевший напротив

Туфанин, показался ей размытой тенью.

– Из золота, – он был упрям. – Живого. Как тебя зовут? Он поймал прядку ее волос и, намотав на палец, держал. – Не бойся. Я не причиню тебе вреда.

Мужчина. Уже не молод, но еще и не стар. Волосы темные, смуглая кожа. И глаза – яркие, синие, в которые смотри – не насмотришься...

– Туфания, – ответила она, чувствуя, как уходит из-под ног земля. И сердце в груди колотится всполощенной птицей. Вот, значит, что чувствовала мать!

Это любовь?

– Арриго, – он подал ей руку, помогая подняться. – Опасно спать на солнце. Оно способно украсть душу.

– Не выйдет, – Туфания вытянула из-за ворота шнурок с оберегом. – Корень иссопа защитит от полуденной жары. И воронье перо...

Он рассмеялся, и голос его заставил Туфанию замереть.

– Где ты живешь?

– В Палермо.

Она закусила губу. Нельзя! Молчи, Туфания, этот случайный знакомец не про твою душу. Он ищет развлечения и думает, что нашел. Он привык, что ему доступны многие развлечения. Посмотри на его одежду: пусть простая, но – из богатых тканей. И на руках перстни. На шее – цепь золотая, толстая, которую не каждый себе позволит. В ухе – серьга. На поясе – клинок.

– Хорош? – спросил он, насмехаясь над ней.

Хорош... Высокий. И сильный. Поднял ее на руки, держит без всякого усилия, смотрит прямо в душу, видит, что с Туфанией творится.

– Ты знаешь, что ты красива? Женищина не должна быть настолько красивой. Это преступление. И я должен тебя украсть...

– Отпусти.

– Только если поцелуй подаришь...

Губы – сухие и горькие, как морская вода. Голова идет кругом, то ли от солнца – не защитил ее корень иссопа, – то ли от этого поцелуя...

Он все-таки разжимает объятья, позволяя ей сбежать.

– Я тебя найду, золотоволосая... – доносится ей вслед.

И Туфания бежит, спеша укрыться в тишине дома. Но и там больше нет покоя. Тесно. Сумрачно. Пыльно. Все ей мешает. Все некстати попадает под руку. И хочется уйти, вернуться к колодцу – вдруг он еще там?

Нельзя.

От мужчин – лишь беды. Старуха обещала, что один мужчина придет и защитит ее... не пришел... зато появился другой. И Туфания, поддавшись голосу предательского сердца, рискует уподобиться своей несчастной матери. Нет, она не желает подобной судьбы... она перетерпит. Свыкнется.

И на следующее утро, проснувшись затемно, Туфания не

позволила себе выйти из дому.

Она открыла лавку и, сев рядом со старым помутневшим зеркалом, принялась расчесывать волосы... сделаны из золота? Золото холодное. А волосы – живые. Мягкие. Туфания часто моет голову, пусть бы кто и сказал, что это напрасная трата воды и времени. Туфания заваривает череду и душицу, чтобы волосы приятно пахли... и составляет смеси, которые продает другим.

Для волос.

Но можно сделать и такие, которые подошли бы для умывания. Ромашка отбелит кожу. А корень фиалки придаст ей мягкий аромат. О деле думать надобно, а не о странном незнакомце.

Его зовут Арриго.

Чужое имя. Чужой человек. И разумным будет вычеркнуть его из памяти, пока не случилось беды.

Эта женщина заглянула в лавку под вечер. Сегодня людей было немного, в основном приходили за сборами, которые заказывали прежде, спрашивали обо всякой ерунде, разговаривали, советовали Туфании найти мужа... и каждый разговор вновь породил мысли об Арриго.

Он никогда не женится на девушке, подобной Туфании. Быть может, он уже женат, и тогда ей останется роль любовницы. Многие богатые люди заводят любовниц, и это считается удачей. У Туфании появится дом и покровитель, если он достаточно богат – а Туфания видела, что Арриго

состоятелен, — он избавит ее от забот...

...и добавит новых, иных, куда более страшных.

...любовницы стареют.

...любовниц бросают.

...как бросили маму, изуродовав ей душу... и как изуродовали эту женщину с тонким лицом.

Она вошла в лавку и замерла. Огляделась, подслеповатощурясь. Руки прижала к груди — скрещенными, словно защищаясь от кого-то. Женщина выглядела усталой, и Туфания сказала:

— Присядьте.

Она присела. И чашку с водой, той самой, из колодца, приняла. Пила маленькими глотками, то и дело облизывая губы. Ее лицо, некогда прекрасное, уродовали шрамы. Один глаз затянуло бельмом. А на тонких руках виднелись знакомые пятна.

— Чем вам помочь? — Туфании стало до слез жаль эту женщину, имени которой она не знала. Да и нужно ли имя? Сама незнакомка — знак свыше. Беги от мужчин! Закрывай сердце на засовы! Иначе и с тобой сотворят нечто подобное.

— Вы... Туфания?

— Да.

— Я думала, что вы старше... много старше. — Женщина отшатнулась, вскинула руку, чтобы осенить себя крестным знаменем, но вдруг остановилась.

– Это не колдовство, – поспешила успокоить ее Туфания. – Меня называли так же, как мою бабушку.

– Она...

– Умерла.

– Тогда мне никто больше не поможет... никто не поможет...

– В чем ваша беда? – Туфания ласково коснулась ее седых волос. – Бабушка хорошо меня учила. И вдруг я сумею помочь вам?

– Мне... мне нужно его успокоить, – тихий голос, словно шелест ветра. – Есть ли у вас травы, которые... которые...

– Полынь и пустырник дают отдохновение. Хмель дарит глубокий сон...

Женщина кивнула и расплакалась.

Она вдруг заговорила, сбивчиво, быстро, жалуясь на судьбу и собственную слабость. Она родилась в небольшом городке, далеко от Палермо. Ее звали Мелиссой – красивое имя. И сама она некогда – в это сложно поверить ныне – славилась красотой. Единственная дочь торговца шерстью, успешного, следует сказать. Ее баловали. Ей позволяли много больше, чем позволяют иным дочерям, потому что родители, живя в любви и согласии, как то заповедал Господь, щедро этой любовью делились с Мелиссой.

Отец подыскал ей мужа. И Мелисса впервые воспротивилась его воле. Она не желает выходить за старика! Она до-

стойна лучшего!

Отец настаивал.

Мелисса отказывалась. Но все же пошла к алтарю...

— Господь меня наказал! — Она хватала Туфанию за руки, словно боялась, что та уйдет. — Господь...

У старика имелся взрослый сын от первого брака. Он был столь же красив, как сам старик — уродлив. И разве можно винить бедную Мелиссу, что сердце ее не устояло? А пасынок и вовсе с первого взгляда полюбил мачеху...

Конечно, связь их была греховной, но... разве думаешь о грехе в семнадцать лет? Господь милосерден к влюбленным. Он непременно соединит их сердца, а если промедлит, то люди сами найдут выход.

— Он это предложил... он сказал, что только так мы сможем быть вместе.

И Мелисса поддалась на уговоры. Ведь старик свое отжил и...

— Я задушила его подушкой. Прижала к лицу и не отпускала.

Ей было мерзко. Но еще более мерзко становилось от мысли, что вся ее жизнь связана с этим человеком. Сколько бы он еще прожил? Годы! И все эти годы Мелиссе пришлось бы терпеть его домогательства, исполнять роль супруги, страдая от невозможности быть рядом с тем, кого она действительно любит.

Нет, Мелисса сделала выбор. Она боялась, что все рас-

кроется, однако никто не усомнился, что смерть ее мужа случилась вследствие естественных причин. Старикам не следует брать в жены молодых женщин – так говорили соседи, не зная, насколько на самом деле они правы.

– Мы думали пожениться спустя полгода, но... я обмолвилась матери, а она пришла в ужас и рассказала отцу, а тот...

...неужели Мелисса не понимает, какие пересуды вызовет эта свадьба? Ведь пасынок – это почти сын. И грех – сожительствовать с ним. Мелиссе надлежит раскаяться, а лучше всего – отправиться в паломничество по святым местам. Потом, по возвращении, Мелисса найдет себе мужа...

Она уже нашла. Но кто бы ее послушал?

И тогда было решено – бежать. Она продала дом и лавку, все, что только было ценного. Она ушла ночью, как воровка и преступница, но была счастлива, ибо полагала наивно – новая жизнь с лихвой окупит перенесенные ею страдания.

Поселились они в Палермо. Назвались мужем и женой, хоть и сожительствовали во грехе. Ее названный супруг открыл лавку, однако дела у него шли плохо и с каждым годом все хуже. Он не имел отцовского таланта, но был вспыльчив и раздражителен, зачастую вымещая гнев на случайных людях. Стоит ли говорить, что покупателей становилось меньше и меньше.

Деньги уходили.

– Он сказал, что это я виновата, – Мелисса вытерла

слезы ладонью, а Туфания не могла отвести взгляда от ее некогда переломанных пальцев. Срослись они криво, куриной лапой, и это уродство вызывало куда большее отвращение, нежели рассказанная Мелиссой история. — Что я змеей проникла в их дом, внесла разлад между ним и отцом, которого он любил. Что подговорила его на убийство... на побег... что я, наверное, ведьма, которую надобно сжечь...

Нет, он не стал писать на нее доносы, поскольку собственные руки его были нечисты.

Вина лежит на обоих. Но один был сильнее, и с каждым днем он все охотнее использовал силу. Сначала щипал, словно бы в шутку, но со злостью, оставляя синяки. После «дарил» пощечины. Пинки. Смелел день ото дня... Мелисса хотела бежать. Но куда она пошла бы без денег?

Обратиться с жалобой к властям?

И признаться в совершенном ими — ею! — злодеянии?

Она оказалась заперта между прошлым и настоящим. Терпела. Ходила в церковь, не смея заглянуть внутрь, поскольку грех, ею совершенный, был слишком велик, чтобы предстать перед очами Всевышнего. И муки, выпавшие на ее долю, Мелисса выносила столь стойчески, сколь только могла. Но разве терпение человеческое безгранично?

Ту женщину она встретила на кладбище, куда пошла, пытаясь среди могил отыскать хотя бы мгновение покоя. Мелисса представляла, как однажды она уйдет в мир иной, и мысли эти большие не пугали ее, скорее, она с нетерпением

ждала этого мгновения. Неужели не искупила она совершенное ею злодеяние? Мелисса ждала смерти с отчаянием и надеждой, которой не суждено было сбыться. Кто-то свыше все продлевал ее бранный путь, и от самоубийства Мелиссу удерживал лишь страх.

– Я не хотела окончательно загубить свою душу, – сказала она, комкая края грязного платка. – А та женщина сказала, что... что здесь живет Туфания из рода Тофано, которая поможет... она знает особое средство, которое...

Туфания не торопила ее, позволяя слезам и горю женщины сказать то, о чем она уже догадалась.

– ...которое успокоит его. Навсегда. У меня есть деньги... Золотая монета легла на стол.

– Возьмите. Если вы и вправду ее внука... если она вас учила, то...

Следовало бы указать этой женщине на дверь. Она сама виновна в собственных бедах. И значит, не вправе Туфания – избавлять ее от мук. Однако что-то мешало ей поступить именно так, правильно с точки зрения закона человеческого и Божьего. Уж не глаза ли Мелиссы, в которых поселилось отчаяние? Или ранняя седина в ее волосах? Или слезы, судорожный шепот, страх, навсегда изменивший эту несчастную?

Она напоминала Туфании мать и...

...и мать прокляла Туфанию. Из-за мужчины.

– Умоляю, – Мелисса больше не шептала. – Ради моей

девочки... ей всего десять и... он смотрит на нее, как на... он грозит продать ее! И я не смогу его остановить. Не спасу ее, если только...

Замолчала. Обхватила себя руками, словно пытаясь защититься от жестокого мира. И Туфания решилась.

– Ты возьмешь этот грех на душу?

– Возьму, – спокойно ответила Мелисса. – Я избавлю мир от чудовища. И уйду в монастырь. Там принимают всех... там – мое место. И когда я предстану пред Престолом Его, я скажу, что душа моя – та цена, которую я готова была отдать за счастье для моей дочери.

– Что будет с ней, когда ты уйдешь в монастырь?

– Мои родители живы и будут рады взять ее... я написала им письмо и... и они заберут ее. Если его не будет.

– Приходи через три дня.

Туфания взяла монету. Она купит свечу и поставит ее в церкви Святой Розалии, попросит и за себя, и за несчастную матушку, и за Мелиссу с ее дочерью...

В конце концов, Туфания лишь изготовит яд, а уж как использовать его – пусть это решает Мелисса. Эта смерть будет на ее совести.

Три дня пролетели быстро. И Туфания вручила женщине склянку с ядом, прозрачным, словно вода.

– Хватит одной капли...

...Весь следующий день Туфания ждала, что за ней придут. У Мелиссы ничего не выйдет, она слаба и напугана, а

враг ее – силен. И он одолеет несчастную... вызовет стражу... Мелисса выдаст Туфанию... и, наверное, это будет справедливо.

И, когда в дверь постучали, Туфания открыла ее, смиряясь с судьбой.

У судьбы было знакомое лицо.

– Здравствуй, беглянка, – сказал Арриго, протягивая ей охапку полевых цветов. – Травнице нужны травы, верно?

И Туфания не посмела не впустить его...

Мигрень прошла лишь к утру. Вике даже удалось поспать, но недолго. Маменька, как и многие иные жаворонки, имела устоявшееся представление о том, что если уж она встала, то и остальным тоже пора. А вот привычки стучать в дверь она не имела – просто входила в Викину комнату, полагая, будто имеет полное на то право. Личное пространство? Маменьке оно не нужно, значит, и Вика обойдется.

Разговаривать – бессмысленно.

Просить – тем более.

– Вставай, – велела маменька, распахивая дверь гардеробной. – Боже мой, когда ты начнешь одеваться нормально?!

Вика собиралась ответить, что как раз считает свою одежду очень даже нормальной. Дело вкуса. Но свой вкус маменька считала единственно верным.

– Вставай, ты должна спуститься к завтраку.

– Я не голодна.

– Хорошо. А то вечно ты ешь, как не в себя.

Неправда! Да, у Вики хороший аппетит, но это еще не синоним обжорства. В конце концов, она имеет право на маленькие удовольствия в этой жизни.

– Пожалуйста, вспомни о том, о чем мы с тобой говорили...

О чем именно?

Как обычно, раннее пробуждение сопровождалось повышенной раздражительностью, и Вика с трудом сдерживалась, чтобы не сказать маменьке, что их разговоры большей частью – это ее монологи. А когда и Вике случается рот открыть, оказывается, что ее мнение ничего не значит.

Мама знает лучше!

Мамочка, перебирая платье за платьем – когда только вещи распаковать успели? – ворчала:

– Надо что-то делать... определенно надо заняться твоим гардеробом...

– Мам, – Вика села на кровати и потрясла головой. – Если тебе не нравится мой гардероб, это твоя проблема. Мы или будем жить мирно, или я вызову такси и уеду к Машке. Побуду у нее, пока не подыщу квартиру. Или комнату. Но мне это надоело.

Эхо вчерашней боли стучало в висках.

– Вика, ты ведешь себя как ребенок!

– Это ты ведешь себя, как будто я ребенок. Мне уже двадцать пять. У меня есть работа! И своя жизнь!

– Разве это – жизнь?

– Мне нравится. Но если тебя во мне все раздражает, давай просто будем реже видиться.

Маменька вздохнула и прижала руки к груди. Глаза ее наполнились слезами.

– И рыдать не надо. Мне это тоже надоело.

Волосы, как обычно поутру, дыбом торчат. И на щеке след от подушки отпечатался... пижамка Викина, любимая, с рыжими верблюдами и воздушными шариками, дополняла образ.

По маменькиному мнению, девице Викиного возраста полагалось почивать исключительно в пижамах шелковых, а лучше – в кружевных пеньюарах. Таковых маменька подарила ей штук двадцать. Но шелк был скользким, а кружево кололось. И Вика упрямо хранила верность своей байковой пижаме неизвестного происхождения.

– Неблагодарная! – вздохнула маменька, видимо, решив отложить скандал на другое время. – Я же для тебя стараюсь.

Лучше бы она просто оставила Вику в покое.

– Давай я сама для себя постараюсь.

Раздражение постепенно отпускало. Вика почесала ладонь, на которой отпечатался круглый след камня. Надо было снять вчера кольцо, но... сама мысль о том, чтобы расстаться с перстнем, казалась неприятной.

– Ты уже постаралась однажды.

А вот об этом маменьке напоминать не следовало бы сво-

ей дочке. Да, был в Викиной биографии некий крайне неприятный эпизод. У нее вообще отношения с противоположным полом не складывались, вернее, складывались, но какие-то «одномерные». Знакомство. Встречи. Короткий роман, Викины попытки смириться с переменами в ее жизни, которые надиктовывались «той» стороной. Конфликт, зреющий подпольно – Вика умеет сдерживать недовольство. И черта, которую рано или поздно переступают все. Ссора. Выяснение отношений. Разрыв.

И – все заново.

Но вот Эдичка казался ей другим. Такой внимательный! Участливый. Не пытавшийся ничего ей навязывать. Уважавший Викино право на молчание... и на свою территорию... на одежду, тишину и книги...

Он казался идеалом.

Вика перевернула кольцо и, поднеся его к глазам, заглянула в собственное отражение в камне.

Идеалов не существует.

Она познакомила Эдичку с мамой, предупредив, что вряд ли он ей понравится. И Эдичка принес цветы, вино и конфеты. Он был остроумен и ярок.

И маменька сдалась.

Настолько сдалась, что одолжила Эдичке денег на кольцо. У него затруднения, и, конечно же, он вернет. Просто кольцо уж очень подходящее для Вики, вы же знаете, как сложно ей угодить.

И на свадьбу... зачем откладывать?

Дела вот-вот наладятся. Эдичка почти уже решил свои проблемы, надо лишь найти где-то еще тысяч двадцать... не рублей, конечно. Кредиторам стоит заплатить сразу, а то эти проценты...

Он исчез вместе с деньгами, кольцом, предложением руки и сердца, а также маменькиными драгоценностями, Викиной заначкой, оставив после себя два кредита и какую-то истеричную девицу, которая утверждала, что Эдичка женится на ней и только на ней.

– Знаешь, мама, – Вика потерла глаза, как делала всегда, ощущая, что вот-вот расплачется. – Пожалуй, мне все-таки стоит уехать.

Наверное, если бы она сказала это другим тоном, каким говорила обычно, маменька стала бы возражать, перешла бы на крик и... но Вика была удивительно спокойна.

Повзрослела за ночь, что ли?

– Викуля, ты не заболела?

– Выздоровела.

В гостевых комнатах имелся санузел, без ванны, но с весьма приличной душевой кабиной. Забраться бы туда на полчаса... воду Вика любила.

– Вика, – маменька села на кровать и сложила руки. – Ты... ты должна остаться здесь. На неделю. Большого я требовать не стану.

– Зачем?

– Ты должна.

Кому? Интересно получается: сначала Гарик, потом мама... и вот откуда у Вики такое странное ощущение, что ею пытаются манипулировать?

– Мам, рассказывай.

Она вздохнула, потом еще раз – сильнее и призналась:

– У Гарика есть деловой партнер.

Замечательно. Вика очень за Гарика рада.

– А у него – четыре сына...

...надо думать, дозревшие до возраста женитьбы.

– ...и Гарик подумал, что неплохо было бы породниться.

Вот завел бы свою дочь и роднился бы!

– Если, конечно, ты не против.

Против! Категорически! Вика, в конце концов, живой человек, а не... не кто? Залог долгого сотрудничества? Сомнительный залог получается. Она Гарику никаким образом не родня. Сегодня они с маменькой душа в душу живут, а завтра развелись, и все... разве так династические браки устривают?

– Вика, это очень достойные молодые люди. Умные. Красивые.

Всецело замечательные, что в фас, что в профиль.

– Самостоятельные...

...настолько самостоятельные, что готовы жениться по отцовскому велению?

– И от тебя требуется только проявить чуть-чуть терпе-

ния.

Терпения у Вики бездна, но и бездна порою иссякает. И маменька поняла, что с ее «рекламной акцией» что-то неладно. Она смерила Вику скептическим взглядом, в котором читалось, что ни один здравомыслящий мужчина, ежели он умен, красив и самостоятелен, с Викой не свяжется, и сказала:

– Ты же сама упрекала меня в предвзятости. Так покажи пример. Отнесись к ним, как к обычным знакомым.

Обязательно! Только вот душ примет и спустится к завтраку.

– От тебя ведь никто не требует немедленно замуж выходить. Посмотри. И подумай.

Маменька поднялась и неторопливым шагом покинула комнату.

Посмотри. Подумай. Примерь, наконец, фату и устрой собственную жизнь... конечно, чем же Вике еще заниматься? В душе она закрылась на полчаса, хотя удовольствия и не получила – слишком уж зла была на всех, включая себя, – но указанное время выдержала из чистого упрямства. Потом нарочно долго возилась с волосами, пытаясь создать из этого клубка соломы хоть какое-то подобие прически. Краситься не стала.

И платье выбрала самое простое – из ситца нежно-голубого оттенка, с длинной юбкой.

А вот кольцо ей пришлось снять. Оно вдруг стало соскаль-

зывать с пальца, точно не желало покидать комнату, и Вика не без сожаления отправила его в тайник.

Тайник был глупым и совершенно ненадежным, но Вике он нравился. Да и вряд ли в этом доме воруют чужие драгоценности. У хозяев, судя по обстановке, денег хватает.

К завтраку она, естественно, опоздала.

И заблудилась. В чужом доме, особенно таком огромном, легко потеряться.

Вот коридор. Поворот и еще один коридор.

Лестница какая-то.

И незнакомец, лестницу «оседлавший». Несolidно – в его-то возрасте. Незнакомец был одет в синие джинсы и свободную майку с дырой на боку. Не высокохудожественной, дизайнерской, а самой обыкновенной, какая остается от гвоздя. Одной рукой незнакомец держался за перила, во второй держал сигару. Курил, затягиваясь, выдыхая клубы дыма.

– Привет, – сказал он. – Ты кто?

– Вика. А ты?

– Серега. Вика-Вика – ежевика.

– Серега – медвежья берлога.

Он показал ей язык и поинтересовался:

– Значит, это ты – невеста?

– А ты – жених?

– Ага. Вроде того.

Ну... не считая того, что мысль о грядущей женитьбе не

сильно Серегу вдохновляла, выглядел он не так плохо, как могло бы быть. Точно не сноб. И на самовлюбленного придурка, которые обычно маменьку впечатляли, не похож.

– Нравлюсь? – Серега стряхнул пепел с сигары.

– Неа. Кстати, сигарами не затягиваются. И пепел отламывают, а не стряхивают.

– Зануда.

– Именно. И характер у меня скверный.

Лучше сразу достичь взаимопонимания в сложных вопросах. Викин скверный характер – замечательный повод с нею не связываться.

– Врешь, – сказал Серега и затушил сигару о перила. – Я думал, будет хуже. Прошлая была... жуть! Папенькиного друга дочка. Модель. Актриса. Поэтесса. Стихи читала, представляешь?

– Я не актриса и стихов читать не собираюсь.

Следовало бы попрощаться и уйти, но Вика стояла, раздумывая, стоит ли признаться новому знакомому в том, что она заблудилась.

– А сомнения – выше крыши. Не хочешь замуж?

– Не хочу.

– И я жениться не хочу, – Серега перемахнул через перила. Он оказался высоким, на две головы выше Вики. И выглядел старше, чем ей показалось вначале. Не на двадцать – на тридцать лет. Или около того. – Давай вступим в преступный сговор. Ты притворишься, что я тебе нравлюсь. Я при-

творюсь, что ты нравишься мне. На неделю от нас отстанут, а потом я тебе изменю, и ты разорвешь со мной отношения.

Безумный план, но...

...если Вика останется, маменька будет следить за каждым ее шагом.

...устраивать случайные встречи с потенциальными женихами.

...походы в театр, кино или за хлебом – не суть важно, главное, чтобы совместные.

...займется ее гардеробом и воспитанием.

– Один мой брат зануден до зубовного скрежета и, хуже того, ответственный очень. Второй – честолюбив, шею себе свернет ради папенькиного благословения. Третий – скользкий, как угорь. Так что, решайся.

– Рук не распускать! – решила Вика.

– Радость моя, ну кто поверит в наши светлые взаимные чувства, если я рук распускать не буду? – Серега сделал то, чего его просили не делать – распустил руки, вернее, обнял Вику. – Расслабься. И улыбайся шире. Сейчас нам завидовать будут!

Сестра встретила его без особой радости, хотя и улыбалась, показывая, что дверь ее дома всегда открыта для любимого брата. А ведь эта дверь – вовсе не дверь ее дома.

Папа подарил... вернее, дал попользоваться.

– Ты загорел, – сказала Светка, провожая его в комнату.

И с чего вдруг такая любезность? Подозревает что-то? – Отдыхал?

– Работал.

Это она отдыхает шесть месяцев в году, а остальные шесть притворяется, будто работает. Цветочный магазин у нее. Бизнесменша... дела ведет управляющий. Торгуют девчонки-студенточки, а Светка изредка к ним наведывается и ходит по залу с важным видом.

– Я действительно рада, что ты приехал. Все соберутся. По какому же поводу, интересно знать?

– Очередное... папино сватовство. Ты же его знаешь.

Откуда? Отец объявился, когда ему исполнилось тринадцать. Черный джип вполз во двор, смяв колесами остатки забора. Из джипа вышел человек – а ведь два года не заглядывал сюда даже, – осмотрелся и сплюнул себе под ноги.

В усадьбе – дед, напившись, лежал на полу, который все еще сохранял исконно-белый цвет, потому что драили его по привычке, – человек прошелся по полу. Он нес в дом грязь, не заботясь о том, кто ее уберет. И хотелось сказать чужаку, чтобы он убирался прочь.

Дед еще проспит часа два.

Хватит, чтобы доделать уроки, сходить за дровами в опустевший сарай – свиньи давным-давно были заколоты и съедены, – собрать и сварить макароны.

– Учишься? – спросил чужак, и тогда он узнал отца. По голосу.

Узнал – и не обрадовался.

– Учусь.

– Дневник покажи.

– Распишешься? – Классуха давно грозилась пожаловаться на деда в соцопеку. Пусть займутся неблагополучной семьей. А он уговаривал погодить, клялся, что дед почти не пьет, и вообще, отец часто к ним заглядывает. Просто он все время занят, вот и недосуг ему с классухой встречаться.

Если отец распишется, классуха поверит.

Расписаться ведь несложно...

...а ему неохота на учет становиться. И чтобы в детдом его отдали – тоже. Там вряд ли будет лучше, чем в деревне. В конце концов, он здесь свободен, дед ему жить не мешает.

Отец листал дневник, вчитываясь в редкие замечания.

– Отличник, значит. Молодец. Мозги – это капитал. Запомни!

Запомнил.

– Собирайся. Мы уезжаем.

Было время, когда он мечтал услышать эти слова. Но сейчас перспектива отъезда вызвала в душе лишь страх. Он уже привык к нынешней своей жизни и научился использовать те возможности, которые имелись в его распоряжении.

– И пошевеливайся. Мне некогда... где твои вещи?

Вещей набралось немного. Зубная щетка. Мыло. Пара маек, застиранных и посеревших. Одежда, при виде которой отец вновь скривился, но не сказал ни слова. В машине он

велел – сидеть смирно и руками ничего не трогать.

– Ты едешь в приличное место. К приличным людям. И, будь добр, води себя прилично.

С той поры он только и пытался, что вписаться в эту чужую жизнь.

Слушать отца. Не ссориться с братьями. Не обижать сестру. Уступать. Он ведь старше. И вообще, взят в дом из милости. Ему дали шанс, поэтому он должен быть благодарен. Иначе окажется на улице и повторит участь деда.

Тошно.

– Ну, не хмурься, – Светка, похоже, была в благостном расположении духа. – Всем это «нравится» так же, как и тебе. И я вот подумала... может, поухаживаешь за ней? Так, для вида. Или не для вида.

– Почему я?

– Потому что... ну, ты милый. Обаятельный. И, если ты женишься, папа будет доволен. За девицей дадут немалую сумму. Начнешь свое дело, как и хотел. Или ты собираешься до конца жизни на папу вкалывать? Он тебя использует. И не отпустит.

Она ведь говорит о Златовласке! Маленькой хитрой Златовласке, которая украла его кольцо. И если уж Светка сама завела этот разговор, о краже она, выходит, не знает.

Вообще ничего не знает.

Слишком уж она самоуверенная. Тупая. Наглая.

Она не удержалась бы и похвасталась добычей, если не

прямо, то хотя бы намеками.

– Хорошо, – пообещал он. – Я попробую.

Возможно, и сама Златовласка не в курсе, что она получила от старухи. Тогда он имеет все шансы получить свое наследство без особых усилий. Надо сойтись с ней поближе.

Понравиться ей.

Присмотреться.

И обыскать... ее ли, вещи ли... пожалуй, следует начать с вещей.

– И где ты ее поселила? – Он обнял Светку и поцеловал в щеку.

Сестрица захихикала... вот дура!

Из всех девиц, побывавших благодаря папиным усилиям в Светкином доме, эта была наименее раздражающей. Наверное, оттого, что не пыталась изображать из себя нечто, чем она не являлась.

У Сереги даже настроение поднялось.

Нет, он, конечно, мог послать папашу куда подальше, что периодически и делал. Тот бы оскорбился, началась бы ссора и закончилась бы очередным разрывом. Потом – несколько месяцев холодной войны. Парламентер – в лице Светки. И торжественное воссоединение семьи по поводу какого-нибудь праздника, будь то Рождество или День независимости США.

Главное, чтобы повод был.

Без повода мириться папаша не станет.

И Серега, только отошедший от очередного витка сложных родственных отношений, решил поддаться на уговоры. В конце концов, дом у Светки огромный, при некотором таланте и желании можно прожить тут неделю, не встречаясь с потенциальной невестой.

Не вышло.

В первый же день Серегино укрытие на черной лестнице было обнаружено.

Ну и фиг с ним.

Девушка оказалась вполне себе... особенно платье хорошо. Ярко-бирюзовое, длинное, свободное, но в то же время сшитое из тонкой ткани, что позволяло оценить ее фигуру. И вряд ли девушка догадывалась об этой особенности своего наряда.

Сама она была белокожей и светловолосой, причем, насколько Серега разбирался в красках, золотистый колер ее волос был естественным. И глаза – синие.

Блондинки всегда Сереге нравились.

Особенно такие, невысокие, но и не низкие, аккуратные, домашние, без модельной худобы и модельной же стервозности. И голос хороший, мягкий... и пахнет от нее тоже приятно: корицей.

Серега страсть как любил булочки с корицей.

– Ты, главное, никого не бойся. Родственники у меня еще те... – Девушка, сделав бесплодную попытку вывернуться из

его объятий, затихла. – Папаня мой по молодости вел жизнь свободную. А маманя предпочитала этого не замечать. Оно и верно. Смысл скандалить, разводиться, потом сидеть одной с детьми... горбатого могила исправит.

Раньше Сереге такое было непонятно.

Точнее, ребенком он не слишком-то задумывался о том, что происходит в доме.

– Светка мне родная сестра. А вот братья – все единокровные. Стась – от папаниной любовницы, давней, работала у него секретаршей, наивно думала, что папаня из семьи уйдет. Хотя, будь маманя поскандальнее, он и вправду ушел бы.

Вика смотрела на него круглыми глазами, но не охала, не ахала и не порывалась его утешать.

– Славка – средний наш. С его маманей папаня год встречался. И даже съехался – на месяцок. Потом, правда, назад приволокся.

Наверняка, с точки зрения нормального человека, эта семейная история выглядела даже не подозрительно – безумно.

– Семен – диковатый... дитя случайной любви. Маманя его бросила... хотя и прочие тоже при себе детей не держали. Папаня-то всем исправно деньгу отстегивал. Он у нас вообще думает, что деньгой все проблемы решить можно. А когда маманя, в смысле, моя маманя, померла, вдруг вперло ему – семейство под одной крышей собрать. Воссоединить. Патриарх хренов!

Сергеа давал себе слово не злиться, но все равно разозлился по старой памяти. Верно, эта злость въелась уже в подсознание. Нет, все-таки их противоречия с отцом были неразрешимы. И эта неделя, проведенная им в доме, который выглядит таким мирным, ничего не изменит.

– Сложно у вас, – вежливо сказала Вика.

Это точно. Сложно. Порою сложность эта становится запредельной, и нервы «слетают», причем у всех. Светка истерит и носится к психотерапевту, который прописывает ей «колеса», но у Светки хватает мозгов их не принимать. Стась втихую ворует. Славка – адреналиновый наркоман. А Семка – просто мутный тип.

Папанин любимчик.

– Ты, главное, никого не бойся и меня держись, – велел ей Серега. – Будет весело.

Семейство собралось в гостиной, хорошо, хоть не за круглым столом – еще одна папанина придумка, от которой у Светки не вышло откреститься. Ее этот стол раздражал, во-первых, тем, что он категорически не вписывался в антураж комнаты, во-вторых, потому, что Светка просто хотела другой, но ее желание ничего не значило.

И с гостиной – та же ерунда. Папаня нанял спеца, а спец решил, что именно Светка желает видеть в ее доме. Правда, саму Светку спросить об этом забыли. Ничего, она привычная.

Вика чувствовала себя... идиоткой.

Появиться в чужом доме, перед чужой семьей – весьма странной семьей, если Серега не присочинил для драматизма, – в обнимку со случайным знакомым... это даже не вызов.

Хотя маменьке это понравилось бы. Маменька вообще считала, что женщина должна действовать быстро, а голову использовать редко. Та же, которая много думает, постепенно превращается из юной девы в деву старую. И вообще, мозги у блондинки – это нонсенс и аномалия.

– Доброго дня всем! – бодро возвестил Серега, подталкивая Вику к диванчику.

Гостиная была... огромной.

Особенно в высоту. Потолок и вовсе стеклянный, расписанный арабским орнаментом. И солнце, проникавшее в гостиную, рисовало отпечаток этого орнамента на белом ковре.

В центре гостиной в каменной кадке – точнее, в бочке внушительных размеров – росла пальма, выглядевшая столь же несчастной, как и женщина, под пальмой спрятавшаяся. Она сидела на краю бочки и качала ногами. На них звенели связки браслетов, остроносые шлепанцы свалились на пол, и женщина разглядывала их с отвращением, как предателей.

– Это Светка, наша единственная и горячо любимая сестра, – представил ее Серега, и женщина вяло отмахнулась. – У нее очередной приступ депрессии. Не обращай внимания. Пройдет.

– Добрый день, – Вика обращалась ко всем, стараясь не смотреть на маменьку.

Ох... она-то в кои-то веки будет довольна.

– Это Стась...

Мрачного вида мужчина в строгом черном костюме ода-рил Вику рассеянным кивком.

– Стась у нас всегда серьезен. Имидж блюдет. Но не обра-щай внимания, на самом деле он – классный парень.

Хмыкнул. Отвернулся.

– Славка...

Светловолосый. И одет с нарочитой небрежностью, тоже в светлых тонах, словно вознамерившись даже в такой мелочи, как выбор одежды, противостоять брату. Улыбается широко, но улыбка эта какая-то неестественная.

– Тоже свой человек. Веселый. А главное, с фантазией...

– Семен.

Семена Вика увидела не сразу, она смотрела туда, куда указывал Серега, но не видела ничего, кроме переплетения теней. Но тени шелохнулись, и Вика удивилась собственной слепоте. Вот же Семен! Сидит, ссутулившись, уткнувшись носом в книгу и, кажется, не замечая ничего, кроме этой книги. Одет не по погоде – вязаный свитер с растянутым гор-лом, старые джинсы, некогда черные, но от многочисленных стирок ставшие серыми.

Кроссовки.

– Семен... книжный червь.

– Сам ты червь, – ответил Семен, не отрывая взгляда от страниц.

– Вот такое у нас семейство...

Еще – Вика и маменька с Гариком. Замечательная получается семья...

– А это – Вика. И она мне нравится. Думаю, это взаимно, – Серега ущипнул ее за локоть, и Вика поспешно кивнула: взаимно. Конечно, взаимно.

Во всяком случае, Серега пугал ее меньше остальных...

За прошедшие годы этот дом мало изменился. Тогда ехать им пришлось долго. Отец все время разговаривал с кем-то по телефону – тогда только-только появились мобильные, массивные, тяжелые, точно кирпичи, но отец в обязательном порядке приобрел себе новинку. Не столько для дела, сколько для статуса.

Пожалуй, и его он забрал ради этого самого статуса, показывая всему миру – хотя миру было глубоко плевать на отца, – что он заботится о собственных детях.

Всю дорогу он смотрел в окно. Бесконечная лента лесозащитной полосы. Редкие машины. И еще более редкие попытки обогнать их, которые отец принимал за вызов. Он увеличивал скорость, не обращая внимания на то, что дорога не слишком-то подходила для гонок.

И успокаивался, лишь доказав собственное превосходство.

Потом асфальт стал более гладким, ровным. И линия разметки была нанесена четко. Слева и справа возникли заборы, за которыми виднелись дома. Не такие, как в деревне, – каменные. Большие. Самый высокий, естественно, принадлежал отцу.

Желтый кирпич. Черная крыша. Узкие окна, забранные решетками, – отец боялся ограбления. Три собаки во дворе – отец боялся нападения. Система охраны, самая лучшая, самая новая, и все последующие годы – неотрывное ощущение слежки: видеокамеры имелись даже в туалете.

Но тогда человек восхитился тем, что будет жить в столь чудесном месте.

Встречать отца вышли четверо.

Долговязая девчонка в коричневом свитере, коричневой юбке и коричневых же колготах. Ботинки вот были черными, а волосы – пегими, заплетенными в две аккуратные косы. Девчонка была долговязой и какой-то нервной, она смотрела на него искоса и недобро.

Мальчишки. Трое. В коричневых широких штанах со стрелочками, выглаженных рубашках серо-голубого оттенка. И при галстуках.

– Знакомься, – сказал отец, подталкивая его к этим детям, которые не выглядели детьми. – Это твои братья.

Прежде ему хотелось иметь кого-то, кроме деда. И вот исполнилось желание, но... он сразу понял, что ему тут не рады.

– Они покажут тебе твою комнату. Одежду... завтра привезут.

– А школа?

Ему было страшно задавать этот вопрос, поскольку он уже понял, что в этом доме не принято привлекать внимание отца по пустякам. Однако он ведь учился... и учился хорошо.

– Будешь учиться вместе с ними.

И отец ушел по своим очень важным делам, которые держали его вдали от деда столько лет, оставив человека наедине с его новообретенными родственниками.

Девчонка шмыгнула носом и сказала:

– Будешь пятым.

– Почему пятым?

– Я первая. Он – второй. Третий и четвертый... а ты пятый.

– Главное, чтоб последний, – пробурчал второй, поддевая носком ботинка камешек. – Пошли... Светка, скажи ему.

– Идем, – Светка первая осмелела настолько, чтобы взять его за руку. – Не бойся, он не такой уж и строгий, если его не злить. Ты, главное, правила соблюдай.

А правил оказалось превеликое множество.

Нельзя бегать в доме. Нельзя кричать и даже разговаривать громко. Нельзя заходить в кабинет. И в библиотеку. И в гостиную... и вообще, лучше держаться комнат, которые считаются детскими. Нельзя нарушать распорядок дня. Нельзя не слушать воспитателя. Нельзя отказываться от еды

и вообще капризничать...

— Олег Павлович не вредный, — поделилась своими знаниями Светка. — Строгий только. И порядок любит.

Порядок в комнатах царил армейский.

Подъем в семь утра. До семи тридцати — зарядка и холодный душ. Видеонаблюдение обеспечивает уверенность, что никому и в голову не придет отлынивать. В семь тридцать — завтрак.

Занятия...

...пробежка вокруг парка.

...полдник.

...занятия.

...бассейн или спортзал.

...обед.

...подготовка уроков. Чтение.

...ужин, на котором присутствовал отец. И это присутствие накладывало на все происходящее свой отпечаток. Светка отца боялась, другие тоже рядом с ним словно бы становились меньше ростом. Тише. Незаметнее. Хотя продолжали держаться друг друга.

Пятое колесо — лишнее в телеге.

Нет, никто открыто не высказывал ему претензий — в этом доме претензии мог позволить себе исключительно отец, — но он просто был лишним. Всегда и везде.

Тогда.

— О чем думаешь? — Светка подошла к нему со спины и

обняла. Сейчас, разменяв третий десяток, она вдруг переменилась, словно желая наверстать все прошлые, упущенные годы.

Крашенные волосы. Короткие юбки. И еще более короткие шортики из гладкой кожи. Загар. Макияж. Эти пластиковые серьги, больше подходящие школьнице, нежели даме Светкиного положения.

– Детство вспоминаю, – признался он.

Пожалуй, если Светка не брала его кольцо, он готов принять ее. В конечном итоге она пыталась ему помогать, по-своему, неуклюже, но от чистого сердца.

Она не разжимала рук, стояла, уткнувшись подбородком в его плечо.

– Не обращай на Серегу внимания. Он всех дразнит. На самом деле эта девица ему не интересна, да и... если тебе она не понравилась, то даже лучше, что Серега ею занялся. Теперь папа будет спокоен.

И он накрыл Светкины ладони – вечно холодные, даже в самую жару, словно Светке не хватало внутреннего тепла, – своими.

– Все нормально.

– Ненормально... я тут кое-что узнала. Все совсем не нормально.

– Что узнала?

Вздых – и признание:

– Папа разозлится, если я скажу... а не сказать – подлость.

Что мне делать?

– Понятия не имею.

– Ты хороший. Знаешь, иногда я жалею, что ты – мой брат, – Светка потерлась щекой о спину. – Ты один меня понимаешь... хочешь, я попрошу Серегу, чтобы он отстал от нее?

И, зная характер Сереги, можно было предположить, что поступит он с точностью до наоборот. С другой стороны, сама Златовласка была человеку не так уж нужна. Во всяком случае, сейчас.

– А где они?

– Гуляют. Найти их?

– Найди.

Светка отступила. Шла она медленно, покачиваясь, словно успела изрядно выпить, но он точно знал – Светка даже вино потребляет редко. И напиваться она брезгует. Значит, дело в другом. Походка. Вяловатые, сонные жесты. И это ее внезапное признание – кто бы мог подумать? – бедняга, похоже, что-то приняла. Ну и пусть. Главное, что она убралась.

Пусть ищет Серегу.

Разговаривает. Уговаривает его. И тот, вцепившись в девицу сугубо из врожденного паскудства характера, не позволяет ей вернуться в комнату. Полчаса. Час? Сколько потребуется, чтобы обыскать вещи девицы?

Он прикрыл дверь, пожалев, что Светка по-прежнему свято блюдет старую традицию, избегая замков в доме. Или хо-

тя бы засовов... засов – надежный способ отделаться от случайного гостя.

Вещей у Златовласки немного. Платья. Юбки. Блузы. Белье на отдельной полке в шкафу. Косметика. Обувь. Он вдруг понял, что не представляет, как именно проводят обыск. Конечно, он прощупывал ткань – кольцо крупное и вряд ли потерялось бы в кармане... или в коробке... или в шкатулке с другими украшениями.

Он уже закончил с обыском, убедившись, что без ее помощи кольцо не вернет, и собрался уходить, когда услышал шаги. Благо, паркет в коридоре положили криво, а может, он был не того качества, на которое Светка рассчитывала, но главное – скрип предупреждал об опасности.

Нет, могло статься, что шли не сюда, но человек предпочел не рисковать. Он огляделся и, приняв решение, бросился к шторам. Портьеры из плотной с шитьем ткани были повешены лет пять назад, и с тех пор если и подвергались чистке, то весьма поверхностной. Темные, собранные крупными складками, они предоставляли укрытие надежное, но несколько пыльное.

Успел он вовремя. Прижался к стене и нос рукой зажал. Не хватало, чтобы пыль вызвала приступ чихания! Если его пребывание в этой комнате и можно было бы как-то объяснить... следовало бы все объяснить ошибкой, – в конце концов, двери в доме одинаковые, но игра в прятки – совсем иной коленкор.

Дверь открылась. Раздались шаги и... сперва человек не понял, что это за звук.

Шелест? Нет. Шорох? Что-то вместе... точно волокут что-то тяжелое.

Волокут и роняют.

Его подмывало выглянуть из убежища, разглядеть случайного гостя – а он уверен был, что в комнате находится мужчина, поскольку шаги были тяжелыми и ботинки еще так характерно поскрипывали, – но голос разума велел ему оставаться на месте.

К этому голосу человек прислушался.

А гость не спешил уходить. Он обошел комнату по периметру, открыл дверь шкафа... заглянул... смотрел – долго. Обыскивал? Наверняка. Но делал это быстро... нет, значит, это не обыск. На обыск потратили бы больше пяти минут. Тогда что?

Гость ушел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

И человек, досчитав до двадцати, решился покинуть убежище.

Хватило одного взгляда, чтобы понять: из комнаты следует убираться. И забыть, что он здесь был. На ковре, подогнув колени, подобрав руки, скукожившись так, что сразу становилось ясно – поза эта не для живого человека, – лежала Светка.

Наклонившись, он проверил пульс.

Если Светка жива, то...

...она ведь была не такой уж плохой.

За что?

Теперь Вика совершенно точно знала, что чувствует человек, обнаруживший в своей комнате труп. Удивление – неужели глаза ее не обманывают и разум не испытывает нервы на прочность галлюцинацией? Растерянность. И в конце концов страх.

Вика всегда пугалась не так, как нормальные люди. Она не кричала, не убегала, напротив – она цепенела. И это оцепенение могло длиться долго... правда, не в этот раз.

Вика икнула и отступила к двери.

Надо позвать на помощь...

Завизжать, как сделала бы адекватная девушка.

Или с рыданиями броситься прочь... но Вика, движимая ей самой непонятными мотивами, просто вышла за дверь и прикрыла ее. А дальше – что?

Найти Серегу...

...может, он еще в саду?

Не следовало ей сбегать.

Она же взрослая и разумная девушка, пусть и со слегка расшатанными нервами. Хотя не так уж она и виновата. Ладно, обнимать, это она еще готова была допустить, но вот предложение отправиться наверх и провести время приятно, сделанное крайне двусмысленным тоном, вывело ее из равновесия.

Еще и целоваться полез...

...нет, в поцелуях ничего плохого нет, но Вика как-то не привыкла, чтобы ее целовали малознакомые личности. А с пощечиной вообще случайно получилось.

Инстинктивно.

Маменьку Викины инстинкты очень расстраивали.

А труп в комнате расстроит ее еще больше.

Сереге был в саду, и не один. Он сидел на лавочке, обнимая смуглую длинноногую диву, которая объятья его принимала куда благосклоннее Вики. Дива смеялась, встряхивала гривой смоляных волос, то и дела касалась груди Сереге длинными пальцами...

Ну вот, надо было завизжать.

А отсюда – убираться.

– Вика! – Серега махнул рукой. – Присоединяйся!

К этой парочке? Да ни за что в жизни!

– Можно с тобой поговорить? – Вика остановилась шагах в трех от них, к явному неудовольствию брюнетки.

– При-и-иветик, – сказала та и положила голову на Серегино плечо.

– Это Эльвира. Светкина лучшая подруга.

Час от часу не легче.

– А это Викуша. Она у нас невеста.

Идиот!

– Чья? – Эльвира взмахнула ресницами, и во взгляде ее проснулся интерес. – Я свадьбу могу оформить. Краси-и-

во...

– Моя, – ответил ей Серега.

Эльвира засмеялась, показывая, что оценила шутку. Действительно, разве Серега и свадьба – это сочетаемо? Ничуть не больше, чем Серега и семейная жизнь. А жить с таким... и в кошмарном сне не приснится. Он же безответственный!

И беспринципный.

Ведет себя, как подросток.

И потом что – всю жизнь маяться ревностью, глядя, как кружат вокруг Сереги этикие вот красавицы? Нет, Вике такой жизни не надо... и ревностью она не мается.

Она вообще по делу пришла.

– Можно с тобой поговорить?

– Говори.

– Наедине.

Приподнятая бровь: мол, какое неожиданное предложение! Поцелуй в смуглую щеку Эльвиры, на которой полыхал кирпичного цвета румянец. И рука его по-хозяйски легла на Викины плечи.

– Если ты собираешься извиниться, я готов, – доверчиво прошептал Серега ей на ухо. – А если глаза мне выцарапать, то лучше не надо...

– Прекрати паясничать, пожалуйста.

Он увлекал Вику в глубь парка, и в голову ей лезли совершенно дикие мысли о густых кустах и коварных соблазнах. А у нее в комнате, между прочим, посторонний труп!

– Дело в том... – Вика глубоко вдохнула. – Кажется, твоя сестра умерла. У меня в комнате.

Сергеа хмыкнул и ответил:

– С нее станется.

– Я серьезно! Она... она там лежит! На ковре! И не шевелится.

Не верит. Ну, если он людям врет, это еще не значит, что и Вика такая же! Она – нормальный человек, без склонности к фантазированию.

– Если не веришь, то... пошли.

– К тебе?

– Ко мне.

– Смотреть на труп?

– Смотреть, – согласилась Вика, подумав, что после осмотра ему придется что-то сделать.

– Так бы и сказала, что лучше сразу к тебе.

Она и сказала. Другое дело, что каждый понимает сказанное в меру своей распушенности. А вот Эльвиру «забыли» в парке.

Ну и леший с ней.

К чести Сереги, увидев тело, он не растерялся, отпустил, наконец, Вику, велев ей:

– Стой на месте и ничего не трогай.

Она и не собиралась.

Прислонилась к косяку, сунула дрожащие руки под мышки и отвернулась, чтобы не видеть тело. Серега же, провер-

нув сестру на спину, пощупал ее шею. Тер ее руки, заглядывал в глаза, будто надеялся уловить признаки жизни. Но Вика точно знала – Светлана мертва.

Сергеа вызвал «Скорую».

И полицию.

А полицию зачем? Крови нет... если крови нет, то... это же не убийство? Не хватало еще, чтобы в Викиной комнате убийство случилось...

– Значит, так, радость моя. Мы пришли сюда вместе и увидели Светлану. Ясно?

– Зачем пришли?

– Да какая разница... фотографии смотреть. Музыку слушать. В морской бой играть! Это детали, главное, одна ты здесь не появлялась.

– П-почему?

– На всякий случай.

Да. Наверное. Странно, конечно, но...

– Викуша, – Серега взял за руку. – Светка была здоровая, как лошадь. И эта внезапная смерть выглядит крайне подозрительно. Поэтому лучше, если все будут думать, что мы с тобой не расставались... хотя, нет, Эльвира нас заложит. Мы расставались. Ненадолго. Ты куришь?

– Нет.

– Плохо. Ты отошла... скажем, показалось, что тебя маман зовет. В кусты приперло... в общем, неважно. Главное, что сюда ты поднялась только сейчас и в моем сопровождении.

...жизнь Туфании – черно-белая. Ночь и день перемешались, сплелись воедино – как их разделить?

Никак.

Арриго появляется, приносит цветы, сыплет ей под ноги монеты, укрывает плечи драгоценными тканями, шепчет слова, от которых сердце ее тает. И не сердце это – глины кусок в умелых руках.

– Птичка моя певчая. – Его ладони смуглы, а в глазах живет синее яркое небо. – Солнце мое... смотрю и насмотреться не способен. Дышу – и не надыхаюсь.

Лжец. Лжец, как разум ее твердит... только голос его не слышен за стуком сердца.

Уходит Арриго, и ночь наступает. Нет для Туфании покоя. Мысли ее терзают, мрачные, что эта разлука – навсегда, что не вернется он, и останется тогда вечная непроглядная ночь души.

Плакать себе Туфания не позволяет. И ревность глухую душист. Успокаивается к утру, унимает сердечную боль, но вот Арриго возвращается вновь и берedit ее изорванное сердце.

– Скажи, – спросил он однажды, – если бы я позвал тебя, пошла бы со мной?

– Хоть на край мира.

– Я не смогу на тебе жениться, радость моя, – Арриго сел на пол и, взяв руки Туфании, поцелуями покрывал ее паль-

цы. — Ты же понимаешь, что не могу...

Пальцы дрожали. Слезы готовы были поползти по ее щекам.

— В моей жизни было множество женицин, — положив голову ей на колени, Арриго закрыл глаза. — Но я не помню их лиц. Они клялись мне в любви, и я принимал их клятвы, сам же оставался холоден... я никому прежде не рассказывал о той, которая...

Ревность застила глаза, но Туфания велела себе молчать. Слушать: никогда прежде Арриго не говорил о себе. Никогда не доверял ей настолько, чтобы приоткрыть завесу собственной жизни.

...Он был старшим сыном; потом, когда по благословенной Италии прошла чума, безглазая женицина во вдвоем черном наряде, стал единственным, горячо любимым. Матушка его, женицина весьма набожная, строгого характера, который иные называли вздорным, отличалась редкой суровостью ко всем — к слугам ли, к домашним ли, и лишь к Арриго она была не просто добра — всепрощающая. Детские проказы сына вызывали у нее умиление, его норы — гордость, поскольку, являясь потомком рода древнего и знатного, не уступающего благородством крови королевскому, Арриго должен был проявлять куда больший характер, нежели его сверстники. В глазах дорогой матушки Арриго представлял собою воплощение всех мыслимых и немыслимых достоинств. Умен, пусть и дерзок, но сугубо в силу

горячей крови. Силен. Ловок. Красив. Обходителен... какая мать не возгордится, имея подобного сына?

Отец же, лишенный этих женских иллюзий, не уставал повторять, что Арриго не хватает смирения и сердечности, но слова его казались Арриго пустыми.

Зачем ему сердце? Пусть будет оно холодным. Пусть будет подобно камню, потому что только так способен он достигнуть многого, оправдывая надежды матери...

...Впрочем, не о них желал поведать Арриго, но о женищинах. Их было множество вокруг, и если ребенком он видел в женищинах лишь помеху: вечно они вставали на пути молодого господина с нравоучениями и слезами, то, подрастая, Арриго учился глядеть на них иначе.

Он стал замечать изысканную красоту, скрытую в каждой. Смуглая ли кожа, темные ли волосы, которые расчесывали и натирали оливковым маслом, таинственный ли блеск глаз... в любой из дочерей Евы было нечто привлекательное, такое, чему Арриго не способен был сопротивляться.

О нет, он никогда не позволял себе использовать силу, хотя многие его товарищи по играм и хвастались подобными подвигами, не видя в них ничего постыдного. По праву рождения, по праву благородной крови, женищины принадлежали им.

Во всяком случае, простолюдинки.

Арриго их не осуждал, но... сила ломала. Ему же нравилось дарить любовь. Он выплетал из слов сети обещаний,

возводил призрачные замки, туманил взоры и разум, заставляя каждую свою случайную – а иных и не встречалось – возлюбленную становиться еще более красивой.

Впрочем, заполучив женищину в постель, он быстро терял к ней интерес.

Они же, глупые создания, не желали его отпускать.

Лили слезы. Умоляли... клялись душой, сердцем... подбрасывали цветы и платки, вымоченные кровью. Бежали к колдуньям...

Арриго не желал им боли. И удивлялся, слыша проклятья в свой адрес. Неужели было бы лучше действовать силой? Неужели им, странным созданиям, не достаточно тех минут радости, которые у них были? К чему желать невозможного?

Матушка, которая до поры до времени оставалась безразличной к происходящему в доме, все же как-то решилась поговорить с сыном.

– Я знаю, – сказала она ласково, – что ты, как твой отец, и дед, и прадед, и прочие мужчины нашего рода, отличаешься горячей кровью...

...матушка гордилась и этим качеством сына, хоть и вредило оно домашнему хозяйству куда сильнее, нежели вздорный нрав Арриго.

– ...и я не смею требовать от тебя – обуздать свою натуру, но... оглянись. Ты привнес в этот дом раздоры. Слушанки только и делают, что плачут и ссорятся. Они боль-

ше думают о том, кто окажется в твоей постели, нежели о собственном долге.

– Простите, матушка.

Он по-своему любил ее, пожалуй, только ее, единственную из женицин, искренне и от души.

– Из-за тебя они разрисовывают лица, словно уличные девки, мажутся ароматными маслами, обливаются духами...

Матушка поморщилась: некоторые особы доходили до того, что нагло пользовались ее собственными притираниями. Она уже выгнала с позором трех.

– Вчера я нашла под подушкой метелку из вороньих перьев, куриную лапу и заячий хвост. – Матушка осенила себя крестным знаменем. Как и положено благочестивой донне, она знала, что Господь Всеблагой защитит ее от дьявольских происков, однако же, будучи женициной, испытывала естественный страх.

– Я выясню, кто это сделал, и...

– Ты перестанешь искать любовниц в этом доме, – строго сказала матушка. – Они успокоятся, когда поймут, что ни одна из них, сколь бы ни старалась, не займет место в твоей постели и в твоём сердце. Пока же ты даришь свое внимание всем, каждая живет надеждой, что именно она станет для тебя единственной.

Пожалуй, в этих словах имелся резон, и пусть приказ матушки – а она крайне редко навязывала Арриго собственную

волю – и доставлял ему некоторые неудобства, однако Арриго исполнил его.

Он заставил себя не обращать внимания на женицин, а матушка, не желая причинять сыну мучения, поспешила избавить дом от излишне красивых служанок.

И следовало бы сказать, что наступили счастливые времена, но...

...Арриго был бессилен перед собственной натурой.

Он желал любви, хотя и не был способен испытать сколь бы то ни было сильное чувство.

Туфаниши было больно слушать его откровенный рассказ, однако вместе с болью она была благодарна ему за правду.

...мир, словно назло ей, был полон прекрасных женицин.

Зрелых матерей, которым наскучило пресное замужество. И юных девиц, лишь мечтающих пойти к венцу. Богатых дочерей и бедных, чьим единственным приданым были красота и благочестие. Ему нравилось играть, находить ключи к ледяным сердцам, красться в темноте, испытывая судьбу на прочность, дразнить ревность мужей, вновь и вновь ускользая от справедливого возмездия.

Ее звали Мария. Она была юна и прекрасна.

Горда, как дочь древнего рода.

Бедна.

И помолвлена. Ее жених отличался тем вспыльчивым норовом, что свойственен ревнивцам. Его уродство было столь же велико, сколь его богатство, а богатство – без-

размерно. И он считал Марию своей собственностью...

...Арриго же был очарован тихой, хрупкой ее красотой.

Она, верная данному слову и будущему супругу, не желала слышать ласковых слов, отвергала дары, которые ей присылали, и ни шагу не ступала без дуэньи, старой склочной старухи. А та, спеша выслужиться перед хозяином, берегла девичью честь паче собственной.

— Что ж, — матушка, видя страдания единственного сына, которые глубоко ранили ее сердце, смилостивилась, — если эта девушка прилась тебе по душе, тогда — женись.

Она же сама все устроила, спешно, словно опасаясь, что пожар, охвативший сердце Арриго, вот-вот погаснет. Конечно, случился скандал, но... Арриго простили. Ему всегда и все прощали.

А Мария... она была счастлива: тихая, робкая... нежный цветок. Она шла к алтарю, преисполненная светлых надежд, видя в таких переменах своей жизни благое намерение, едва не благословение Господа...

Счастье длилось два месяца. Долго? Тогда Арриго казалось, что оно будет вечным, но...

...нет, Мария не утратила ни толики своей красоты, но она больше не вызывала в душе Арриго бывшего восторга. Тем более, что он вновь влюбился.

Та, другая, была ярка и горяча. Жена же вдруг стала холодной и скучной. И Арриго оставил жену...

— Мальчик мой, — матушка, напротив, чем дальше, тем

больше любила новообретенную дочь. Да и как было не по-любить это светлое дитя? – Ты поступаешь неразумно. Твоя холодность способна обидеть Марию.

– Она мне надоела.

– Но ты сам решил взять ее в жены.

– Я ошибся. Я люблю другую!

– Как надолго? – Матушка глядела на него с непривычной строгостью и упреком. – Как скоро ты разочаруешься и в ней? И бросишься искать новую любовь? Она – призрак, за которым ты спешишь, не видя никого на собственном пути.

Он разозлился. Как может говорить так матушка, единственный, пожалуй, человек, чье мнение было важно для Арриго?

– Твоя жена дана тебе Богом. И ты обязан проявить к ней то внимание и заботу, которых она достойна. Признаюсь, что вначале я согласилась на эту свадьбу лишь из любви к тебе, но... Мария мне как дочь. И я не позволю тебе ее обидеть.

– Ты не можешь приказывать мне!

Что он испытал? Гнев? Раздражение? Ревность? Пожалуй, именно ревность. Прежде матушка никогда не говорила о том, что любит кого-то, помимо Арриго! И вот теперь она заботится об этой тоскливой девчонке, с которой и поговорить-то не о чем.

– Мальчик мой. – Матушка вздохнула, она не ожидала, что сын раскается – ему неведомо было раскаяние, – одна-

ко надеялась, что Арриго хотя бы прислушается к ее советам. — Никто не требует от тебя супружеской верности, но толика уважения... оскорбляя свою жену, ты оскорбляешь и меня. Будь немного более осмотрителен. Не позволяй злым языкам и похоти разрушить нашу жизнь.

Если бы гордость не мешала ему услышать то, что говорила матушка... если бы новая любовь не заслонила разум... если бы все сложилось иначе...

Он, словно капризное дитя, сделал все наперекор.

Слухи? Что для него слухи?

Слезы жены... женичины всегда плачут.

Молчаливое неодобрение матери... она простит. Она всегда его прощала.

Скабрзные шутки... они веселые, Арриго первым готов смеяться над ними.

Он веселился с усердием безумца, желая доказать всем и каждому, что стоит выше предрассудков. И случилось именно то, чего опасалась матушка: сердце Марии не выдержало.

Ангелам тяжело жить на земле.

Известие о болезни жены Арриго воспринял равнодушно. Честно говоря, не поверил он, видя в этой новости очередную уловку матушки, которая все никак не желала смириться с распутным образом жизни дорогого сына. Он отправил ей гневное письмо, требуя оставить его в покое, хотя и пожелал скорейшего выздоровления.

Он был влюблен. Богат. Молод. Свободен. И разве кто-нибудь в его возрасте задумывается о смерти? Тем паче, чужой... Мария... Мария больше не трогала его душу.

Она умерла в начале лета, в тот самый день, когда он все же снизошел до визита в дом, скорее желая примириться с матушкой, нежели с женой. Он опоздал на час и с тех пор не мог отделаться от мысли, что, будь он немного расторопнее, Мария осталась бы жить.

В ее комнате пахло ладаном. А плотно задернутые шторы укрывали ее, истощенную, от солнечного света. И белая кожа сделалась блее обычной.

В первое мгновенье Арриго решил, что она спит, и вновь поразился тому, сколь прекрасна его жена. Неужели он добровольно сбегал от нее к другой? Что ему другая – она яркая, но утомительна. Изводит нервы, требует чего-то... вот она, истинная красота.

– Мария, – Арриго принес ей розу из королевского сада. – Сегодня ты чудо как хороша...

Он готов был уже искренне просить прощения, обещать, что больше никогда не оставит ее, клясться в любви, которая вновь зажглась в его душе, яркая, как первая звезда.

А оказалось – она мертва.

Ее щеки были еще теплыми, но сердце молчало. И руки ее медленно остывали в его руках. Он все сидел у кровати, надеясь отогреть их. Дышал на них. Целовал тонкие пальцы, шептал, что нет ей нужды расставаться с жизнью...

Шутил. Смеялся. Горьким безумным смехом. Рассказывал ей последние сплетни. И умолял – открой глаза!

Бессмысленно.

Ее забрали, унесли, ее – хрупкое дитя. И матушка, такая вдруг сразу постаревшая, сказала:

– Я не желаю видеть тебя в этом доме.

Арриго показалось, что он ослышался.

Или ее разум помутился от горя?

От старости?

Она – некрасивая. Седовласая. С морщинистым лицом, на котором выделяется неестественной гладкостью лоб. Ее подбородок – тяжелый, а шея – коротковата. И в своем обычном – после смерти отца – черном наряде матушка походит на ведьму.

– У меня больше нет сына, – она перебирала четки. – Мой сын умер.

– Мама, что ты говоришь?!

– Правду.

Арриго был жив. И зол. Еще недавно преисполненный скорби, теперь он испытывал разве что гнев.

– У тебя нет сердца. И ты не способен любить никого, кроме себя, – матушка поцеловала серебряный крест. – Было время, когда я гордилась каждым твоим шагом, каждым словом, каждым поступком, не желая видеть, сколь уродливы они. Сколь уродлив ты сам.

– Ты выжила из ума!

– Скорее, ко мне вернулся разум.

Матушка поднялась и подошла, коснулась его щеки сухой холодной ладонью, которая вдруг показалась Арриго нежной.

– Я виновата в том, что привела тебя в этот мир.

На глаза его навернулись слезы. Он вновь чувствовал себя ребенком, желавшим лишь одного – угодить ей. Быть самым лучшим, самым достойным!

– Я позволила тебе жениться на этой девочке. Я надеялась, что ее любви хватит на вас обоих. Но ты убил Марию.

– Она сама умерла.

– Убил! Равнодушием. Презрением. Насмешками, которые сыпались на нее. Сплетнями, маравами светлое ее имя. Сколько она плакала из-за тебя... не знаешь? Тебе ведь все равно. А она до последнего молилась за спасение твоей души...

Со своей душой Арриго сам разберется. Он не нуждается в спасении, потому что не совершил ничего предосудительного. У его супруги слабые нервы? Это случается с женщинами.

Он не виноват.

– Она простила тебя. Не понимаю. – Матушкины очи были светлы. – Я – не прощаю. Уходи и... и у тебя не будет иной жены. И не будет иных, законных детей, которым ты мог бы передать свое имя. – Голос ее прозвучал громко. – Наш род уже мертв! И ты его не продолжишь!

Матушка развернулась и удалилась к себе. Арриго же, решив доказать, что именно он – хозяин в этом доме, остался. Он ходил из комнаты в комнату, разглядывая портреты дедов и прадедов, славных предков, которые могли бы гордиться...

...Чем?

Чего достиг он?

Чем он славен?

Любовью к женищинам? И ветреностью, которая более пристала к лицу дочерям Евы?

Бессердечием?

Достойные деяния...

...В пустоте, которая воцарилась средь зеркал, забранных полотнами ткани, вдруг послышался смех.

– Арриго... ты пришел? – окликнули его.

Обернулся. Лишь тенями комната полна.

Тихо.

И снова – легчайшее прикосновение к волосам, словно нежная рука гладит их.

– Ты не забыл меня? – тихий шепот пробирает до костей. – Ты не забыл меня...

– Кто ты?!

Смех – хрустальный. И полотно падает с зеркала. Арриго видит себя и тень за своим плечом. Женищину с длинными волосами цвета живого золота...

– Арриго, – она зовет его, и руки-плети обвивают его шею.

Холодные губы дарят поцелуй.

Арриго очнулся в темноте. Он лежал на полу перед зеркалом, сжимая в руках темное полотно, не то укрываясь, не то защищаясь от кого-то неведомого. В стекле отражался крест. И сам Арриго, побелевший и постаревший. Ему было холодно, словно бы кто-то вытянул из тела все тепло – до последней капли.

– Господи...

Он редко обращался к Богу. Нет, конечно, Арриго был истинной веры, и храм посещал, и жертвовал, исповедовался, грешил, вновь жертвовал, но вот чтобы – прямо к Богу...

Впервые его молитва шла от самой души.

– Зачем, Арриго? – спросили его. – Ты снова хочешь меня прогнать? Не выйдет.

Он вскочил, оглянулся.

Никого.

– Уходи! – закричал он, и крик полетел по дому. – Уходи! Я тебя не боюсь...

– И не надо.

Снова была она сзади, неуловимая и ледяная.

– Я не причиню тебе вреда. Я лишь хочу быть с тобой.

Он осенил себя крестным знаменiem. И воздух. И зеркало. И понял: бесполезно. Разве ангелы боятся Бога? Они – часть света. И выходит, что Арриго...

...Матушка знает, что делать.

– Нет, Арриго... уже не знает. Прости, – она шла за ним

по пятам, и он слышал ледяное неживое дыхание на своей шее. – Я не могла позволить ей нам помешать.

– Ты умерла!

– Тело. Всего-навсего тело. Душа ведь бессмертна, и ты это знаешь. Мы будем вместе. Смирись...

...Матушка умерла. Об этом Арриго сказала старая служанка – и отвернулась, скрывая слезы в полуслепых глазах. Она любила госпожу, пусть та и была строга.

– Она не мучилась, господин, – сказала служанка, щурясь. Ей все чудилось, будто колышется за спиной молодого Арриго некая тень, смутная, призрачная. Блажат глаза.

– Во сне отошла... молилась, молилась.

...За него, единственного, кто по-настоящему был ей дорог.

И – разочаровал.

– Притомилась и сказала, что спать ляжет. Велела к заутренней разбудить. И еще молочка просила принести, с медом. Она любила молоко с медом. – Служанка прижала руки к груди, понимая, что большие никогда в жизни не придется ей спустаться в кухню и греть молоко, всенепременно свежее и от рыжей коровы. От них, все это знают, молоко самое жирное и сытное. – Я-то и пошла. А вернулась – она уже спит... совсем. Мы вас искали.

Слуги осмотрели каждую комнату в доме, заглянули и в подвалы, и на чердак, но не обнаружили молодого хозяина. Зная о ссоре его с хозяйкой – неужто осмелилась она выска-

затянуть ему все, что на душе у нее накопилось? — решили, что ушел он из дому, и отправили гонца с печальным известием в резиденцию Арриго.

— Я в библиотеке был, — сказал Арриго. — Я был в библиотеке...

Служанка покачала головой. Библиотеку, любимое место тихой Марии, трижды обыскивали. И никого не видели, разве что... полотно там вечно с зеркала соскальзывало. И теперь вот хозяин в него завернулся, словно в саван.

Дурная примета. Ох, дурная!

Двойные похороны прошли тихо. И Арриго остался наедине с домом. Он не находил в себе сил уйти, словно невидимая цепь привязала его к опустевшим комнатам, к призракам, в них обитавшим.

Исчезли слуги, а новые, которых Арриго пытался нанять, не задерживались дольше чем на месяц. Вскоре во всем Палермо не осталось человека, который бы не слышал о проклятом доме.

И о проклятом муже.

Друзья, прежде следовавшие за ним неотступно, вдруг позабыли само имя Арриго. Богатство? Имя? Слава? Что значили они за порогом, в месте, где все дышало пылью и запустением...

Где за каждым по пятам следовала невидимая тень.

Арриго попробовал сбежать, он сумел расстаться с домом — на неделю. И каждую ночь слышал голос умершей же-

ны.

– Вернись, – умоляла она его.

– Нет!

– Вернись... не бросай меня... не бросай меня снова...

И он смирился. Сколько длилась эта жизнь в плену? Год? Два? Три? Арриго перестал ощущать время. Он был... и его не было. Забытый человек в доме, зараставшем пылью и паутиной.

Наверное, все завершилось бы бесславной смертью. Призрак, чья любовь была столь же искренна, сколь и смертельна для человека, пил его тепло и выпил бы, оставив иссохшее тело, но...

...Арриго очнулся в библиотеке, перед зеркалом, с которого вновь сползло покрывало.

– Ты любишь меня? – спрашивал призрак, обнимая Арриго. Белые мертвые руки гладили его грудь, добираясь до самого сердца, и оно леденело. – Ты любишь меня?

– Люблю.

– Только меня?

– Только тебя...

Золотые волосы опутывали его паутиной, и паутиной они и были.

– Отпусти, – взмолился Арриго.

– Не могу.

– Почему?

– Ты украл мое сердце, – призрак вздохнул. – Оно превра-

тилось в камень... верни его... верни...

Он слышал этот шепот, просьбу, которая мешала ему просто умереть. И, ведомый странной идеей, принялся обыскивать дом. Комнату за комнатой... сколько их в этом доме? Бессчетно. И вещей много... вот платья матушки... чепцы... столовое серебро... свечи, о которых он забыл и, одичав, приучился жить в темноте. Кем он стал? Не человеком – зверем.

Призрак следовал по пятам за ним.

– Нет, нет... не здесь... не здесь оно...

– Где?

– Ты знаешь... знаешь... ты его забрал. У тебя. Здесь, – призрак коснулся груди. – Камень. Отдай его мне. И я уйду.

– Насовсем?

Арриго прижал руку к сердцу, пытаясь понять, не обманывает ли его призрак. Если его сердце – камень, то... но оно бьется! Оно живое!

– Мертвое, – возразил призрак. – Совсем мертвое. Всегда было таким.

– Нет.

– Ты хочешь, чтобы я обрела покой?

– Да!

– Тогда отдай мне сердце. Вытащи камень из груди. Станет легче...

И в руку его лег кинжал. Почему Арриго не нанес удар? Что остановило его руку? Не разум, но... в последний миг

он понял:

— Ты хочешь, чтобы я убил себя? И стал проклят? Ты... ты — ведьма!

Мария засмеялась:

— Я хочу, чтобы мы были вместе... ты и я.

— Но тогда я умру.

И будет проклят, как любой другой, с презрением отрицавший величайший из даров Господа — жизнь.

— Смерть — лишь мгновенье.

Именно тогда Арриго четко осознал, что это существо, которое некогда было его женой, рано или поздно добьется своего. И впервые за многие годы он переступил порог дома. Не к священнику отправился Арриго — сколько их перебывало в доме еще тогда, когда пробовал он бороться с призраком? — но к ведьме. Откуда Арриго узнал о ней? Он и сам не помнил. Должно быть, слышал от кого-то...

Ведьма была старой, но не страшной, а весьма даже благообразной с виду. Она встретила Арриго ласково, выслушала его — а слова его лились потоком, измученная душа спешила поделиться с кем-то тем ужасом, который пережила, — и ответила так:

— Не была твоя жена тем ангелом, о котором ты говоришь. Но была сестрой мне. Наш Господин, имени которого я не смею произносить вслух, — великий обманищик. От него она получила великий дар. Она завладела твоими помыслами и избегала нежеланного замужества, она украла душу

твоей матери и всех, с кем случилось ей встретиться, ибо каждый видел в твоей жене свет. Но свет этот – ложный. И лишь тебя не привязали чары...

Он не желал верить. Арриго ведь помнил ее – хрупкое дитя, робкое, нежное...

– Будь она старше, сумела бы избежать той ошибки, которую совершила. Ведьмам нельзя любить, поскольку любовь – это дар Господа. Он погубил ее. И Он дал ей иную жизнь, которую не в силах прервать я или кто бы то ни было еще.

– Значит, я обречен?

– Нет. Я помогу тебе, но цена моей помощи будет высока.

– Я согласен на любую!

Лишь бы прекратить этот кошмар, который затянулся на долгие годы.

– Что ж, поклянись.

Она, старая ведьма, протянула ему Библию. И Арриго на святой книге повторил обещание: если старуха избавит его от призрака, Арриго исполнит любую ее просьбу, отдаст ей все, за исключением собственной бессмертной души...

– Мне не нужна твоя душа, – успокоила его старуха. – И просьба моя не будет обременительна. Ты же, чтобы высвободиться из-под власти мертвой, должен сделать так. Завтра хороший день: луна исчезнет с неба, чтобы переродиться. Пройди по дому и закрой все зеркала. А лучшие – вынеси их из дому вовсе. Она будет ходить следом за тобой,

просить тебя, угрожать, обещать... не слушай ее. Когда же наступит полночь, спустись в склеп. Я дам тебе нож, в рукояти которого сокрыты частицы слез Девы Марии. Ты сам увидишь, что жена твоя по-прежнему хороша, словно и не умирала вовсе. Ее лицо будет бледным, а губы бескровными. Она – ламия, полуночная тварь, которую держит на месте лишь молитва твоей благочестивой матери.

Его жена... призрак в зеркалах. Тень, следующая за ним по пятам. Ледяная рука на щеке и дыхание с запахом тлена.

– Дай ей попробовать твоей крови, и увидишь, как откроются ее глаза. Скажи, что пришел, желая исполнить обещание, вернуть ей свое сердце, но для начала хочешь забрать собственное, ибо только тогда вы будете свободны. Скажи, что любишь и будешь любить до скончания времен, и обещание свое скрепи поцелуем. А когда услышишь, что вновь забьется мертвое сердце ламии, – бей! Не медли! Ты должен успеть, иначе высосет она из тебя и жизнь, и душу, превратив в собственное подобие...

– И что мне делать с ее сердцем?

– Принеси его мне.

Он вернулся в дом. Неужели в этом месте Арриго провел несколько лет? Он – мертвец среди мертвецов, заросших пылью статуй, засиженных мухами портретов. Только зеркала оставались чисты, хотя не прикасалась к поверхности их человеческая рука.

А рука ламии?

Арриго повернул первое зеркало к стене... второе... третье... их было так много.

— Что ты делаешь?

— Я не хочу себя видеть, — ответил он той, что кралась по его пятам.

— А меня?

— Разве мне нужны зеркала? Я помню тебя. Тебе этого мало? Сегодня я верну тебе твое сердце. Не мешай.

И она отступила. Арриго ощущал на себе ее взгляд — пристальный, настороженный, но и только. Наступали сумерки. И с приближением полуночи рос страх Арриго.

А если обманула его ведьма?

Или сказала правду, но у него не хватит сил... тогда Арриго не просто погибнет, но превратится в жуткую тварь. И какая судьба ждет его тогда? Вечная жизнь? И вечный голод? Бессчетные жертвы, призванные его утолить?

В склеп он спускался, когда часы пробили полночь.

Страх исчез.

Ступени. Темнота. И робкое дрожание свечи. Шаги за спиной. И дразнящие прикосновения к волосам. Смешок.

— Не бойся, — шепчет Мария. — Смерть — лишь мгновение, за которым вечность... мы будем вместе. Навсегда.

Он остановился у гроба матушки, преклонил колени и мысленно — вслух Арриго не смел произнести ни слова, опасаясь разозлить ту, что следила за ним, — попросил у нее прощения.

– Она бы нам мешала, – сказала ламия. – Она была такой... скучной. Все время молилась. Поэтому ты ушел из дому. Разве кто-нибудь тебя осудит? Только не я...

Ее гроб стоял на возвышении, украшенный серыми клочьями паутины, словно кружевом. Арриго не без труда удалось откинуть крышку. И он не сдержал удивленного крика. Он думал увидеть уродливую мумию или же и вовсе – скелет, в который обратилось тело Мариш, но в гробу лежала она, точь-в-точь такая, какой он ее запомнил. Бледная. Прекрасная. Словно она уснула... Но разве она, вот эта женщина, – ламия? Уродливая тварь?

Нет!

Она святая. Нетленное тело – не лучшее ли тому доказательство? И люди, которые знали Марию, подтвердят... но тогда что же стоит рядом с Арриго?

Разве святые становятся призраками?

И он, достав нож, провел лезвием по своему запястью. Кровь в темноте казалась черной, вязкой, словно и сам он уже не был человеком.

– Я верну тебе твое сердце, – сказал Арриго, прижимая руку к ее бледным губам. – Если ты отдашь мне мое собственное.

Холод и только холод, могильный, застарелый, проникал в его рану. А жизни становилось все меньше. Еще немного, и она выпьет Арриго.

Отпустила.

Уже не бледная – румянец пылает на нежных щеках. Блестят глаза, они сменили цвет. Куда исчезла небесная их синева? Черные! А губы – алые, яркие.

– Я так долго тебя ждала, – она протянула руку, и Арриго, преодолевая ужас, коснулся ее холодной ладони. – Я так долго...

– Я здесь.

– И ты отдашь мне свое сердце? Я голодна.

– А ты отдашь свое?

– Оно всегда принадлежало лишь тебе.

Ее рука легла ему на грудь, и когти пробили ткань рубашки и кожу, еще немного – и они доберутся до сердца.

– Подожди, – попросил Арриго, наклоняясь к той, которую любил, пусть и жила эта любовь лишь мгновенье. – Пока я еще жив...

Губы ее, ледяные, были горькими на вкус. И поцелуй этот вытягивал из него остатки жизни, он все длился и длился. Ламия обвила руками его шею, прильнула – нежно...

Холода – все больше. Тепло уходило из мира. Вместе со страхом, сомнениями.

Арриго слышал, как глухо, громко бухнуло в мертвой груди сердце. И немеющей рукой ударил ножом. Сил у него почти не осталось. Он налег на кинжал, вгоняя лезвие в такое живое тело, заставляя себя не слышать ее крик, не чувствовать боль. Когти ламии раздирали его спину и плечи.

– Обманик! Обманик, будь ты проклят!

Она изогнулась, из ее сомкнутых губ хлынула черная рвота.

Арриго же, не устояв на ногах, упал. Он лежал, ожидая смерти, смиряясь со своей участью – какова бы ни была она, – но ничего не происходило.

Он не знал, сколько прошло времени. Час? Два? Много больше? Силы возвращались. Раны ныли. И, значит, Арриго все еще был жив. Сумев подняться на колени, он взмолился Господу, прося за себя, и за матушку, и за ведьму, и за нее, проклятую Марию, влюбленную ламию...

Господь милосерден.

А Мария – мертва. На сей раз по-настоящему. Ее тело рассыпалось в прах, и в гробу не осталось ничего, кроме некогда нарядных одежд, кружева и золота, а еще – кинжала, застрявшего в куске сердолика. Сердце Марии окаменело.

Арриго взял в руки каменное сердце и, шатаясь от слабости, поднялся вверх. Он распахнул все окна в доме, позволяя ветру вычистить запах тлена, и, упав на пороге, уснул. Сколько времени он спал? Долго. Проснулся от голода – забытое ужасе чувство, как и сам вкус хлеба, и заплесневелого сыра, прогорклого масла, вина... Арриго казалось, что ничего вкуснее он в жизни не пробовал.

Он снова оживает?

Вода была мокрой и холодной. Тело его дрожало, болело, горели огнем рваные раны, и Арриго готов был плясать от радости, что он вновь способен ощущать боль или хо-

лод – обыкновенный, без могильного привкуса. Однако, чтобы остаться свободным, он должен был отдать последний долг.

Арриго отправился к ведьме. И та встретила его с улыбкой.

– Что ж, я вижу, ты сумел одолеть ламию, – сказала она, приглашая его войти.

Теперь Арриго ощущал запахи трав, горькие, сладкие, кислые, раздражающие и приятные, наполнившие жилище ведьмы. Здесь не было страшных вещей вроде черепов козла, летучих мышей, пауков и свечей из трупного воска, но имелось все то, что обычно имеется в лавке аптекаря.

– Сюда люди приходят за помощью. – Ведьма верно поняла его удивление. – За разной помощью. За такой, как ты, – редко. Мое знание... не всегда во вред.

Но оно богопротивно.

– Моя матушка разбиралась в травах, в их целебных свойствах, создавала лекарства, способные облегчить или унять боль, заживить раны внешние и внутренние. Я слеую ее дорогой, как последует и моя дочь, и внучка...

Она больше не сказала ничего, но лишь приняла от него нож и камень, который в ее сухих морщинистых руках разломился на две части.

– Отдай их ювелиру, – сказала ведьма. – Пусть сделает два кольца. Одно для тебя, другое – для твоей будущей жены.

Арриго хотел было ответить, что не имеет намерения жениться вновь, но ведьма покачала головой:

— Не спеши. Сделай, как я тебе говорю. Ты ведь помнишь, что обещал исполнить любую мою просьбу?

Признаться, теперь Арриго сожалел о своей неосторожности данной клятве. Чего захочет от него старуха?

— Моя внучка слишком юна, чтобы выходить замуж, однако пройдет пять лет, и она повзрослеет. Она станет красавицей, каких мало, и я лишь хочу защитить ее от людей, ведь красота многих подвигает на дурные деяния. Ты обручишься с ней...

...бездной?

...внучкой ведьмы?

...проклятой от рождения?

— ...и кольцо будет залогом того, что ты исполнишь свое обещание. Если же нет... ты погубишь себя и свой род, благородный господин.

Он покинул ведьму в смятении. Следовало ли говорить, что просьба ведьмы была невыполнима? Да как вообще подобная мысль могла прийти старухе в голову?! Не иначе, как от безумия!

Жениться...

...да если Арриго хоть когда-нибудь женится, то уж точно выберет себе в супруги тихую достойную женщину из своего круга.

Но обманывать ведьму — себе дороже. Еще проклянет...

Нет, лучше сделать, как она велела. Девочка юна? Тем лучше. Пять лет — это много, и за эти пять лет всякое может случиться. Он отнес камень ювелиру, лучшему мастеру, какого только сумел найти, и попросил сделать два кольца. Одно отдал ведьме, второе же надел на палец, показывая тем, что намерения его чисты.

— Что ж, — ведьма придирчиво разглядывала узор из виноградных лоз, обрамлявший розовый камень, — ты исполнил то, о чем я просила. И, если имеешь совесть, исполнишь и вторую часть моей просьбы. Уходи и возвращайся через пять лет.

— Я могу взять твою внучку под опеку.

Ведьма задумалась.

— Нет, — ответила она. — Ей еще многому предстоит научиться. У нее — талант...

Уж не к ведовству ли? К черной магии, что отравляет сердце? И не выйдет ли так, что, избавившись от одной ламии, Арриго приведет в дом другую?

— Тогда возьми деньги. — Он все же был благородным человеком и не желал, чтобы вынужденный обман, которому лишь предстояло случиться, был его платой за ее помощь. — Пусть моя невеста ни в чем не нуждается...

Ведьма засмеялась.

— Что ж, ты пытаешься откупиться от судьбы. Попробуй... но иной жены у тебя не будет. Ламия ревнива, и сердце ее защитит мою девочку...

Он покинул дом ведьмы, не сомневаясь, что никогда больше в него не вернется. Конечно, в следующем году он пошлет денег для своей названной невесты и, быть может, еще через год. А там, глядишь, обеспечит девушку хорошим приданым.

Так он думал и постепенно уверялся в правильности собственных мыслей.

Впервые за многие годы он заглянул в собор и, преклонив колени перед ликом Господним, истово молился. Он простоял у алтаря весь день, а по городу пронесся слух о чудесном избавлении проклятого дома от зла, обитавшего в нем. Люди шепотом рассказывали об ужасных призраках и святой Розалинде: милосердная, она откликнулась на зов молодого Арриго и, явившись к нему, наделила его чудесной силой.

Многие потянулись к его дому, желая воочию убедиться, что чудо свершилось. И двери дома были открыты. Внутри все еще царили грязь и запустение, свидетели прежней беды, но того леденящего душу страха, который охватывал любого, переступившего порог в прежние времена, уже не было.

Арриго же, спеша поскорей отделаться от тягостных воспоминаний, уехал.

Он много путешествовал по миру, нигде не останавливаясь надолго. Он видел многие города, многие страны, многих людей, равно отличных и схожих друг с другом. Он разговаривал с торговцами, которые ходили к самому краю мира, слушал удивительные истории о существах, там обитаю-

щих. Он слушал бродячих монахов, пешком они прошли через все земли, заселенные разумными людьми, и почти достигли врат в царство Божие. Он видел торговцев святыми мощами и тайные места, в которых подобные мощи изготавливались – молоко Богородицы, ребра и пальцы Иоанна Крестителя, кровь Христа, частицы истинного распятия. Он помогал гробокопателям и докторам, им платившим, желавшим получить тела для анатомирования. Он, на долгих два года вычеркнутый из мира, спешил познать его во всем его многообразии.

И утомился, пресытившись всеобщей суетой.

Тогда-то Арриго и задумался о том, кто он есть. Потомок древнего и славного рода, последняя ветвь некогда могучего древа. Разве ж имеет он право и далее вести тот образ жизни, который увлек его? И не пришла ли ему пора исполнить свои обязательства перед предками?

Он не стал возвращаться в Палермо, остановился в Генуе, городе славном и богатом. Новую жену Арриго выбирал осторожно и остановился на девушке из семьи достойной, богатой, известной своим благочестием. Невеста его не отличалась яркой красотой, однако была тиха и скромна. За ней давали пять тысяч золотых дукатов и сундук с восточными пряностями.

Свадьбу откладывать не стали.

И Арриго, надев на палец тонкое золотое колечко – то, с розовым камнем, он предпочел вернуть в шкатулку с драго-

ценностями, — поклялся, что никогда жене не обидит.

Она прожила ровно три дня после свадьбы.

А на четвертый день служанка обнаружила молодую госпожу в часовне. Она лежала перед статуей Девы Марии, из глаз которой текли слезы. По словам служанки, в воздухе витали ароматы роз и ладана. Еще она всем показывала белое перо, которому неоткуда было взяться в часовне, если, конечно, не случилось чудо: ангел за госпожой явился, дабы унести ее безгрешную душу на небо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.